

Чтения памяти
Д. И. Малинина
2015–2018 гг.

Д. И. Малинин
(1879–1933)

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
КАЛУЖСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. И. МАЛИНИНА

Материалы
первых — четвёртых чтений
2015–2018 гг.

Калуга
2018

С о с т а в и т е л ь

М.А. Добычина, начальник Управления по делам архивов
Калужской области, кандидат исторических наук

П о д р е д а к ц и е й

В.А. Иванова, кандидата исторических наук, доцента

Чтения памяти Д.И. Малинина: материалы первых — четвёртых
Ч 77 чтений. 2015–2018 гг. / сост. М.А. Добычина; под ред. В.А. Иванова. — Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2018. — 136 с.

В сборнике представлены тексты докладов, представленных на первых — четвёртых чтениях памяти Д.И. Малинина, состоявшихся в 2015–2018 гг. в Калуге.

Материалы посвящены актуальным проблемам историко-краеведческой тематики. В сборнике впервые публикуются архивные документы о педагогической, научной и общественной деятельности учёного-краеведа.

Предназначен для историков, краеведов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Калужского края.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905849-84-8

© Добычина М.А., Иванов В.А. Вступительная статья, публикация документов, 2018

© Осипов В.И. Статьи, 2018

© Прошкин О.Л. Статья, 2018

© Никитина Н.Н. Статья, 2018

© Хомутова О.Ю. Статья, 2018

© Издатель Захаров С.И. («СерНа»). Оформление, 2018

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: ИСТОРИК И КРАЕВЕД Д. И. МАЛИНИН

В последние десятилетия в нашей стране наметился явный интерес к историографическим сюжетам. На страницах центральной исторической периодики, в научных и научно-публицистических изданиях появилась целая серия очерков, посвящённых изучению научного наследия русских и советских ученых-историков, внесших неоценимый вклад в становление и развитие отечественной исторической науки¹. В очерках воссоздаются их жизненный путь, личностные качества, научная биография, раскрываются взгляды, стиль работы, роль и место в исторической науке, содержится характеристика и оценка научных трудов и концепций. К сожалению, внимание авторов и составителей биографических очерков обращено на изучение творческого наследия признанных подвижников исторической науки, работавших в крупных научных центрах Москвы и Петербурга (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, С. Н. Валк, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, П. А. Зайончковский, А. Н. Панкратова, М. Н. Тихомиров, В. Я. Яценский и др.). И это понятно: они являлись создателями научных школ и направлений в историографии, классических образцов исторических исследований, приёмы работы и мнения которых признаются историками и сегодня.

Вместе с тем нельзя не признать, что неотъемлемой частью российской исторической науки XIX—XX вв. была и остаётся региональная историография (под ней мы понимаем комплекс работ исторической и краеведческой направленности, созданных в разных местностях России),

¹ См., например: Историки России XVIII—XX вв. Вып. 1—2 / сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 1995; Историки России. XVIII — начало XX в. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1996; Историки России. Биографии. М., 2001.

научные и культурные традиции которой относятся ещё к XVIII в. Значителен вклад провинциальных историков, создававших свои труды вдали от столичных научных центров, в исследование не только местной, но и российской истории. Традиционными темами изучения историков на периферии были: история городов, сёл, образования, церкви, экономика, культурная жизнь края, биографии выдающихся местных деятелей и др.

Историками, трудившимся в разных регионах страны, создан значительный массив научно-исторических трудов (несколько тысяч названий) по проблемам общероссийской и местной истории, многие из которых и в наши дни сохраняют значение ценного исторического, историографического и справочного источника. Уровень написания и оформления многих изданных на местах работ (анализ источников, историография, оформление сносок, составление таблиц, схем, приложений, именных и географических указателей) вполне соответствовал уровню работ университетских учёных того времени. Сильными сторонами научных работ местных исследователей было введение в научный и общественно-исторический оборот широкого круга архивных документов (большая часть которых по разным причинам оказалась утраченной к настоящему времени), публикация исторических, этнографических, археологических материалов, привлечение данных других наук: географии, статистики, этнографии, литературы, фольклористики, глубокое знакомство с научной литературой, широта исторической проблематики. К сожалению, приходится констатировать, что созданные на местах исторические исследования разных жанров и направлений (исторические описания, научно-исследовательские и историко-краеведческие труды, проблемные статьи, посвящённые дискуссионным вопросам местной истории, беллетристические произведения и т. д.) остались почти невостребованными в исторической науке XX в. ввиду слабой изученности региональной историографии.

Среди ярких представителей исторической мысли, внесших значительный вклад в изучение российской и региональной истории, не последнее место занимает калужский историк, краевед, архивист и музейевед Дмитрий Иванович Малинин. С его именем связана целая эпоха в научной, общественной, педагогической и культурной жизни Калужского края 1910-х — начала 1930-х гг.

Д. И. Малинин родился 26 октября (7 ноября) 1879 г. в с. Тарасьево Лихвинского уезда Калужской губернии (ныне Чекалинский р-н Тульской области) в семье сельского священника. По окончании в 1902 г.

Калужской духовной семинарии, отказавшись от духовной карьеры, он поступил на историко-филологический факультет Юрьевского (Тартуского) университета (ко времени учёбы в университете относится первая значительная библиографическая работа будущего учёного «Что читать по русской литературе XIX в.» (Юрьев, 1906), получившая положительный отзыв специалистов), который окончил в 1907 г. со званием действительного студента. В 1908 г. под руководством профессора русской истории И. И. Лаппо Малинин успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Реформы в системе прямого обложения населения Московского государства». Материальные трудности не позволили начинающему талантливому учёному остаться в университете для подготовки к профессорскому званию. В 1909 г. Малинин возвращается в Калугу. Здесь он начинает свою научную, общественную и педагогическую деятельность. Вступив в 1910 г. в члены Калужской учёной архивной комиссии, он печатает (с 1912 г.) статьи в её печатном органе — «Известиях», преподаёт историю в Калужском казённом реальном училище, в женской гимназии М. И. Шалаевой. Малинин становится действительным членом Русского географического общества в Петербурге, Нижегородской и Псковской учёных архивных комиссий (с 1916 г.), избирается профессором Калужского отделения Московского археологического института (с 1917 г.)¹.

¹ См., например: Добычина М. А. Жизнь и деятельность Д. И. Малинина (по документам ГАКО) // Калуга в шести веках. Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 373–383; Она же. Калужский краевед Дмитрий Иванович Малинин // Вестник архивиста. 2000. № 2 (56). С. 217–228; Она же. Калужские архивисты в 1919–1921 гг. // Отечественные архивы. 2002. № 4. С. 15–21; Она же. Публикаторская работа Калужского архива в 1919–1940 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X Региональной научной конференции. Калуга, 2003. С. 342–347; Лион А. В., Д. И. Малинин в Юрьевском университете // Там же. С. 303–310; Филимонов В. Я. Д. И. Малинин — историк, просветитель, гуманист // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII Региональной научной конференции. Калуга, 2001. С. 70–75; Лион А. В., Фетисова Ю. Н. К вопросу о псевдонимах Д. И. Малинина // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 2009. С. 263–268; Лион А. В., Фетисова Ю. Н., Гадзяцкая В. М. К истории одного посвящения // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XV Всероссийской научной конференции. Калуга, 2013. С. 206–210; Фетисова Ю. Н. Вера и надежда в жизни Д. И. Малинина (К 135-летию со дня рождения краеведа) // Калуга в шести веках: материалы 10-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2015. С. 209–220 и др.

В 1918 г. Малинин был инициатором создания и первым председателем Калужского общества истории и древностей (КОИД). В 1921—1923 гг. он работал заведующим, а в 1923—1929 гг. — научным сотрудником губернского архива, одновременно в 1924—1926 гг. занимал должность директора Калужского объединённого (краеведческого и художественного) музея. В 1929 г. Дмитрий Иванович по состоянию здоровья вышел на пенсию. Находясь на пенсии, краевед основное внимание сосредоточил на исследовательской работе, которой занимался, преодолевая болезнь до дня смерти. В 1930 г. он был приглашён участвовать в качестве сотрудника в берлинском журнале по восточноевропейской истории, а в 1933 г. — в международной выставке исторической книги в г. Варшаве. Д. И. Малинин скончался 16 ноября 1933 г. в Калуге, где и похоронен на Пятницком кладбище.

После себя учёный оставил огромное научное наследие (очерки, статьи, некрологи, биографии, подготовительные материалы), главным образом по истории Калужского края. К сожалению, большая его часть была утрачена в период оккупации города Калуги немецко-фашистскими захватчиками в октябре-декабре 1941 г. До настоящего времени полная библиография трудов Малинина не составлена. В биографических материалах о нём приводятся весьма разноречивые данные о количестве написанных им исторических и краеведческих работ, опубликованных на страницах центральных и местных изданий. Приведём названия и год публикации некоторых из них: «Отголоски пугачёвщины в Мещовском уезде» (1911), «19 февраля 1861—1911 гг.» (1914), «Из истории крепостных отношений в Калужской губернии в XIX в.» (1914), «Начало театра в Калуге (1912), «Жиздринские деревни И. С. Тургенева» (1914), «Александр II в Калуге» (1913), «Калужский край в трудах проф. Д. К. Зеленина» (1917), «Зачем берегут архивы и старые документы» (1921), «Голод и русская общественность» (1921), «Калуга как окружной центр в свете истории и значения Калужской губернии как хозяйственного района» (1922), «Начало фабрично-заводской промышленности в Калужской губернии» (1924), «Калужская губерния в этнографическом отношении» (1924), «Борьба крепостных крестьян с. Русанова Лихвинского уезда с помещиком в 1752—1762 гг.» (1924), «Крестьянское движение в Калужской губернии в 1905 г.» (1924), «Рабочее движение в Калужской губернии в 1905 г.» (1925), «Периодическая печать в Калуге до 1917 г.» (1924), «Периодическая печать в Калуге после Октябрьской революции» (1924), «А. П. Чехов в Богимове бывшего Тарусского уезда» (1931).

Среди неопубликованных при жизни автора материалов несомненный историко-культурный и историографический интерес представляют исследовательские работы биографического жанра: «А. С. Лаппо-Данилевский. Некролог», «С. А. Венгеров», «Нелединский-Мелецкий в Калуге (1826—1829). Певец любви», «Поэт А. К. Толстой в Калуге (1850)», «Г. Р. Державин в Калуге. Дело Лопухина», «В. Г. Белинский и М. С. Щепкин в Калуге», «Е. Р. Дашкова в селе Троицком Тарусского уезда», «К. Э. Циолковский. Краткий очерк жизни и деятельности», «А. Н. Радищев в Немцове Малоярославецкого уезда». Большой популярностью среди краеведов пользуется работа Малинина «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии» (Калуга, 1912), единственный труд учёного, переизданный после его смерти в Калуге в 1992 и 2004 гг.¹

Дмитрия Ивановича как исследователя отличали широта исторической тематики, научная эрудиция, энциклопедические знания, высокая историко-источниковедческая и археографическая культура, основательный исторический подход в освещении событий, особое отношение к историческому источнику — нацеленность на добывание проверенных точных фактов, критический пересмотр и обновление источниковой базы местной историографии.

Какова же судьба богатейшей библиотеки краеведа и его архива? По воспоминаниям соседей, после смерти Малинина книги из его библиотеки забрал калужский краевед врач-эпидемиолог Юрий Александрович Вусович. В последние годы жизни Малинина Вусович был один из немногих близких к нему калужан, кто его навещал. В 1929 г. вместе они составили серию изображений видов города Калуги². Есть основания полагать, что Вусович встречался с краеведом незадолго до его смерти. Он был осведомлён в подробностях состояния здоровья Дмитрия Ивановича. По его воспоминаниям, перед смертью Малинина посетил доктор П. Д. Борщов, хороший знакомый Юрия Александровича. Подпись Вусовича стоит первой в опубликованном некрологе Малинину. Сохранилась биография Малинина, написанная Вусовичем³. Не вызывает сомнения тот факт, что в её

¹Ряд не публиковавшихся ранее, отложившихся в фонде Калужского областного музея заповедника работ историка увидели свет в 2010 г. в книге: Д. И. Малинин. Неизданные рукописи. Калуга: Золотая аллея, 2010.

²Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 8.

³Вусович Ю. А. Биография Дмитрия Ивановича Малинина // Д. И. Малинин. Неизданные рукописи. С. 12—24.

основу легла неизвестная автобиография Дмитрия Ивановича. Биография содержит ссылки на документы личного характера, которые, скорее всего, стали доступны автору после смерти Малинина. Возможно, что и какая-то часть архива Малинина могла оказаться у Вусовича.

Судьба самого Вусовича трагична: он был репрессирован и на его имени долгое время стояло табу. Известно, что небольшая часть архива Вусовича хранится в разных местах, но документов из архива Малинина в ней нет.

В 1960-е гг. московский исследователь кандидат филологических наук В. И. Безъязычный предпринимал попытки по розыску личного архива и дома, в котором жил Малинин, а также его вдовы — Ольги Ивановны Малининой (проживавшей с дочерью с середины 1920-х гг. в Москве). Ему удалось, как видно из переписки, собрать материал об историке, но его местонахождение по сей день не известно. По всей видимости, собранные им документы и письма «осели» в частных коллекциях.

В своих письмах к калужскому краеведу К. М. Ярхо О. И. Малинина отметила, что «...по решению Калужского народного суда все рукописи Дм. Ив. должны быть у дочери. Но она не думает возобновлять хлопоты о передаче ей рукописного материала. На что они ей. Они находятся в надёжном месте.

Вероятно, иногда кто и заглянет в них, и используют. Только, конечно, рукописи в Музее не все, а большая часть их пропала. Суд был в 1935 г. ...По решению суда дочь должна получить только рукописи, а «Калугиада» не ей. Калугиада погибла, сгорела, а также сгорела вся его библиотека, где было тысяч 6—7 экземпляров, а м.б. и больше (во время прихода фашистов)...»¹.

Таковы некоторые сведения о научном наследии Малинина².

В ГАКО личного фонда Малинина нет. В Калужской областной музей-заповеднике личный фонд историка и краеведа Малинина насчитывает 28 рукописей его работ. Никаких других документов самого Дмитрия Ивановича или материалов о нём в фонде нет. В 1998—1999 гг. главным архивистом ГАКО М. А. Добычиной была проведена работа по выявлению в фондах архива документов, имеющих отношение к Малинину. В результате проведённой поисковой работы

¹ ГАКО. Ф. Р-932. Оп. 1. Д. 68. Л. 12.

² Подробнее о научном наследии Д. И. Малинина см.: Лион А. В. К вопросу о судьбе творческого наследия Д. И. Малинина // Калуга в шести веках: материалы 10-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2015. С. 197—208.

в 13 фондах было обнаружено свыше двухсот разных по происхождению, содержанию, полноте и объёму документов, проливающих свет на различные стороны жизни и деятельности учёного. Так, в фонде Калужской духовной семинарии (Ф. 65) отложились экзаменационные листы, списки учеников, классные журналы, в которых значится фамилия Малинина. Его деятельность в должности преподавателя реального училища в 1909—1918 гг. отражают документы, хранящиеся в фонде этого учебного заведения (Ф. 78). Прежде всего это свидетельство о присвоении Дмитрию Ивановичу звания учителя истории гимназии и прогимназии, выданное в 1907 г., его формулярный список за 1912 г., прошения об оказании материальной помощи, документы, освещающие деятельность экскурсионной комиссии, созданной при училище в 1911 г., активным членом которой он был, протоколы заседаний педсоветов, списки преподавательского состава за разные годы, ведомости о распределении уроков и др. Аналогичные по содержанию материалы обнаружены в фонде 2-й советской школы II ступени (Ф. Р-5), в которой Дмитрий Иванович работал преподавателем истории после закрытия Калужского реального училища в конце 1917 г. Наибольшее количество документов о Малинине — 85 — выявлено в фонде Калужского общества истории и древностей (Ф. Р-324). Разнообразные материалы фонда (протоколы заседаний, отчёты о научно-исследовательской работе, списки изданных работ, тексты научных докладов, выступлений, объяснительные записки, переписка) позволяют оценить роль Малинина как руководителя и активного члена краеведческого общества. Свыше 40 документов, раскрывающих деятельность Малинина-архивиста в 1921—1929 гг., отложились в фонде Государственного архива Калужской области (Ф. Р-1584). Среди них штатные расписания, отчёты губархива за 1921—1923 г, ведомости на выдачу зарплаты, переписка с губисполкомом, списки личного состава, докладные записки заведующего в центральные ведомства о состоянии дел в архиве, автографы статей по архивной тематике. В фонде Калужского областного краеведческого музея (Ф. Р-2878), по неполным данным, хранится свыше 40 документов (отчёты о деятельности музея, протоколы заседаний, приказы, переписка с губисполкомом, общественными организациями, частными лицами, акты приёма, сдачи и списания имущества и т. д.), относящихся к периоду заведования Малининым этим учреждением в 1924—1926 гг.

По одному документу обнаружено в фонде Калужской духовной консистории — Ф. 33 (метрическая запись о браке Малинина с дочерью священника О. И. Сиротиной) и в фонде Калужской учёной архивной комиссии (КУАК) — Ф. 47 (датированное 1910 г. ходатайство Дмитрия Ивановича о приёме в члены КУАК и предоставлении ему возможности пользоваться документами губернского исторического музея).

В трёх фондах личного происхождения — краеведа Н. М. Маслова (Ф. Р-3562), директора Калужского художественного музея, искусствоведа М. М. Днепровского (Ф. Р.-521) и краеведа К. М. Яرخо (Ф. Р-932) хранятся эпистолярные материалы по розыску архива Малинина В. И. Безъязычным и об увековечивании памяти учёного. В фонде Калужского районного бюро краеведения (Ф. Р-323) имеется заявление Дмитрия Ивановича об оказании ему содействия в издании работы «Краткий очерк истории народного хозяйства в Калужской губернии. 1777—1928».

Таков беглый обзор корпуса выявленных на сегодняшний день документальных материалов, хранящихся в фондах ГАКО, введение в научный оборот и изучение которых, может пролить дополнительный свет как на научную биографию, так и педагогическую и общественную деятельность калужского историка.

Изучение научного наследия Дмитрия Ивановича Малинина — большого знатока, энтузиаста и подвижника калужского краеведения, имя которого многогранностью тематики научных разысканий ещё при жизни получило известность далеко за пределами края, имеет огромное значение не только в узко краеведческом смысле, но и в плане изучения истории и культуры страны в целом.

М. А. Добычина, к. и. н
В. А. Иванов, к. и. н., доц.

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ

О Д. И. МАЛИНИНЕ

Вопрос об увековечивании памяти ученого-краеведа ставился перед научной общественностью начиная с 1960-х гг.

Как разворачивались события тех лет, можно узнать из переписки¹ с краеведами. В начале 1960-х гг. ученый-филолог В. И. Безъязычный² предпринимал попытки по розыску архива Д. И. Малинина. В письме к краеведу Н. М. Маслову³ он писал:

«...Сейчас очень хочется попытаться найти следы архива Д. И. М... Узнал, что в Саратовском университете работает племянник Д. И., постараюсь через своих знакомых в Саратове что-либо узнать относящееся к семье Малининых».

«...Продолжаю поиски сведений о Д. И. М. и его архиве. Из Ленинграда (архив АН СССР) — отказ: нет у них материалов Д. И. ...Получил ценные сведения об обучении Д. И. в Юрьевском университете...»

«С немалым трудом разыскал бывший Торубаевский переулок и дом, во втором этаже которого жил Д. И. М. Люди там живут новые, ничего толком узнать не удавалось, но, к счастью, одна из соседок указала мне

¹В письмах сохранена стилистика авторов.

²Безъязычный Владимир Иосифович (1925—1996), специалист по русской литературе, библиограф, краевед; преподавал в Московском полиграфическом институте и Литературном институте им. А. М. Горького (1972—1996). Калуга длительное время оставалась предметом краеведческих интересов В. И. Безъязычного. Город Калугу Владимир Иосифович считал чуть ли не альтернативной столицей, важным преддверием Москвы, средоточием интеллектуальной жизни. Учёный часто бывал в Калуге, составил богатую картотеку деятелей литературы — уроженцев Калужского края.

*«Мне говорят: в хорошей форме я,
Что ж, хоть судьба и нелегка,
Кавказ, Калуга, Калифорния —
Вся жизнь моя в трёх этих «К».*

³Маслов Николай Михайлович (1890—1967), краевед, исследовал и описывал памятники археологии, парки, усадьбные комплексы, клады, занимался топонимикой, вёл поиск калужского списка «Слова о полку Игореве», нашёл «вятичские» элементы в «Слове». С 1938 г. — научный сотрудник краеведческого и художественного музеев Калуги.

то, что вообще для меня совершенно ново и чего я не слышал ни от кого в Калуге: что в Москве живёт жена Д. И. — Ольга Ивановна Малинина! На следующий же день я разыскал её по возвращении в Москву, она не только сообщила мне много интересного, но и передала портреты Д. И., номер “Коммуны” с некрологом и две его работы. На днях буду у неё ещё, встречусь с дочкой Верой Дмитриевной...»¹.

В конце ноября — начале декабря 1961 г. в Калуге силами краеведов было организовано собрание, посвящённое Д. И. Малинину, на котором Безъязычный выступал с докладом о его жизни и деятельности, призывая увековечить его имя, открыть доску на его доме, переиздать труды. Но далее разговоров у тогдашней калужской краеведческой общественности дело не пошло.

В 1964 г. Безъязычный направил в областную газету «Знамя» статью к 85-ю со дня рождения Д. И. Малинина, но опубликована она была намного позже и в значительно переработанном виде.

В 1966 г. Безъязычный писал М. М. Днепровскому²:

«...Калуга оказалась в отношении памяти Д. И. Малинина преисполненной самой чёрной неблагодарности, ибо, как и Вы, я хорошо представляю, сколь много сделал он для изучения калужской истории. Я знаю вдову Д. И., Ольгу Ив., живущую в Москве, поэтому всё это дополняется и довольно сильными личными впечатлениями. В статье³ надо отметить бывший дом Торубаева доской, посвящённой Д. И. М., выдающемуся исследователю Калужского края. Вы снова поднимаете этот вопрос, несколько не утративший своей злободневности. Я готов поддержать Ваше предложение любым удобным выступлением, но, очевидно, надо несколько повременить, чтобы получить возможность написать об этом — в связи с окончанием реставрации дома Торубаевых...»

«Я считаю своим долгом всегда подчёркивать его заслуги и сказать о нём доброе слово. В течение ряда лет мною собраны многие ценные документы, характеризующие жизненный путь Д. И., его полная библиография»⁴.

¹ТАКО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

² Днепровский Михаил Михайлович (1897—1983), искусствовед, график, директор. Калужского художественного музея (1937—1960).

³ Имеется в виду статья В. И. Безъязычного, написанная к 85-ю со дня рождения Д. И. Малинина, направленная в областную в газету «Знамя».

⁴ТАКО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

А вот несколько выдержек из переписки Ольги Ивановны Малининой с К. М. Ярхо¹ в 1965 г.:

«...Что же касается Д. И. Малинина, то весь материал о нём собран доцентом В. И. Безъязычным, мне непонятно, почему он до сих пор не издан. К сожалению, я доцента В. И. Безъязычного года два не видела, а поэтому не знаю, почему затормозилось это дело.

Д. И. Малинин всю свою жизнь трудовую, здоровье, все силы отдал Калуге, и я думаю, что он за свой труд и любовь Калуге заслуживает со стороны калужских краеведов справедливой оценки.

Вы сами цените его и называете классиком калужеведения и, что он заслуживает памяти калужан.

В своём письме Вы упомянули доцента В. И. Безъязычного, который, по Вашему мнению, делал попытку как-то восстановить имя Д. Ивановича, как калужоведа, но почему же никто из вас, местных краеведов, в том числе и Вы, не поддержали эту попытку? Как это так выходит? Дальше попытки не пошло... Отчего? Что послужило причиной?

И вообще, в моей голове не укладывается следующее: с одной стороны, калужанам-краеведам известно, как много сделал в своё время Дмитрий Иванович как краевед. С другой стороны до сих пор ничем не отмечена память о Д. Ив.

... Надо правду сказать, что Дмитрий Иванович не исторический деятель какой-то особенный, в большом масштабе, но в своё время для Калуги начал хорошее дело, его знали даже в Москве, к нему обращались за разными справками из Москвы. Из калужан кто-то говорил мне, что хотели отметить дом мемориальной доской, где жил Дмитрий Иванович, но, по имеющимся у меня сведениям, никакой доски там нет, и, кажется, не будет. Вот Вам и память... Создаётся впечатление, что почему-то не хотят по-настоящему оценить Дм. Ив., как он того заслуживает.

Я была в Калуге, восстановила могилу Д. Ив., поставила скромную оградку, какую смогла. Одна моя знакомая калужанка по моей просьбе присматривает за могилкой».

«Уважаемый Константин Михайлович!

Обращаюсь к Вам за разъяснением одного для меня интересного факта, который мне сообщили недавно из Калуги. Очень прошу Вас не отказать мне в этом разъяснении.

¹ Ярхо Константин Михайлович (р. 1929), учитель, историк-краевед

Мне написали, что дом, где последнее время жил Дмитрий Иванович Малинин, ремонтируют, и во время ремонта, когда ломали потолок, то нашли там рукописи революционного характера, которые, как полагается, передали в архив или музей.

Правда ли это? Полагаю, что о находке рукописей Вы знаете. Лицо, которое мне сообщило об этом, узнало от гражданина, который живёт в настоящее время (а м.б. жил) в доме, где жил Дм. Ив. О том, что нашли какие-то ценные исторические рукописи, писали и в какой-то калужской газете, но там не было точно сказано, где нашли и дом не указан, а только упоминается, что нашли во время ремонта на Кутузовской улице, а ведь 2-й Красноармейский пер. выходит на Кутузовскую ул. ...

Я знаю, что у Дм. Ив. были рукописи революционного содержания, но потом они куда-то исчезли после того, как по решению Калужского народного суда все рукописи (и Калугиада) должна была получить дочь. Она ничего не получила, т.к. рукописи все быстро пропали. По почерку я, конечно, узнала бы, принадлежат ли они Д. Ив. Не думайте, пожалуйста, что я интересуюсь этим из-за каких-то целей, вроде получения их дочерью, если они окажутся Д. Ив. А м.б., они и не ему принадлежат...»

«Уважаемый Константин Михайлович!

Я в прошлом письме Вам писала, что по решению Калужского народного суда все рукописи Дм. Ив. должны быть у дочери. Но она не думает возобновлять хлопоты о передаче ей рукописного материала. На что они ей. Они находятся в надёжном месте.

Вероятно, иногда кто и заглянет в них, и используют. Только, конечно, рукописи в Музее не все, а большая часть их пропала. Суд был в 1935 г. Но я Вам немного ошибочно сообщила. По решению суда дочь должна получить только рукописи, а “Калугиада” не ей. “Калугиада” погибла, сгорела, а также сгорела вся его библиотека, где было тысяч 6—7 экземпляров, а м.б., и больше (во время прихода фашистов). ...я всё поняла относительно найденного материала на чердаке в доме, где жил Дм. Ив. с 1915—1933 г.

Вы мне писали, что в декабре в Калуге будет областная конференция, где будет обсуждаться создание отделения общества охраны памятников старины, и Вы на этой конференции поставите вопрос о мемориальной доске Дм. Ив. Малинину.

Посылаю Вам выписку, которую я сделала из газеты “Коммуна”, для того, чтобы у Вас было доказательство, Д. Ив. действительно персональный пенсионер Республиканского значения»¹.

Только в 1990-е гг. научная общественность Калуги в условиях новых веяний поставила вопрос об увековечивании памяти учёного, историка, краеведа. В 1992 и 2004 гг. была переиздана его работа «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии».

12 ноября 1999 г. совместно Госархивом Калужской области и областным краеведческим музеем был проведён научный совет, посвящённый 120-летию со дня рождения краеведа. Это мероприятие ещё раз показало, насколько значимо имя Дмитрия Ивановича Малинина для Калужской земли, насколько богато его научное наследие.

Научный совет решил: 1) рекомендовать городским властям рассмотреть вопрос о переименовании 2-го Красноармейского переулка в переулок Малинина (в чём было отказано городскими властями); 2) на доме, в котором он жил, открыть мемориальную доску, (это было сделано 29 сентября 2001 г.); 3) переиздать труды Д. И. Малинина.

Что же касается могилы краеведа на городском кладбище, то силами Калужской общественной историко-краеведческой организации «Добрая воля» в середине 1990-х гг. она приведена в порядок. Благодаря усилиям историка-краеведа А. В. Лиона в последующие годы на могиле Д. И. Малинина был установлен новый памятник.

7 ноября 2014 г. по инициативе Калужского представительства Российского общества историков-архивистов, с участием краеведов, на базе Муниципального архива г. Калуги состоялось расширенное заседание, посвящённое 135-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Малинина. На заседании был заслушан доклад А. В. Лиона о творческом и научном наследии Малинина, а также обсуждены мероприятия по увековечиванию памяти учёного. Среди прочего было принято решение проводить ежегодно в ноябре научные чтения памяти Д. И. Малинина. Рассмотрен вопрос об установке памятника ученому-краеведу. На заседании впервые получили награды школьники — участники и победители Всероссийского конкурса «Юный архивист».

¹ ГАКО. Ф. Р-932. Оп. 1. Д. 68. Л. 12—12 об.

Научный совет, посвящённый 120-летию со дня рождения Д. И. Малинина.
12 ноября 1999 г.

Посещение могилы учёного-краеведа. 12 ноября 1999 г.

Выставка документов ГАКО. 12 ноября 1999 г.

Церемония открытия мемориальной доски Д. И. Малинину. 29 сентября 2001 г.

Выступает В. Я. Филимонов

Выступает М. А. Добычина

А. В. Лион на открытии мемориальной
доски Д. И. Малинину

Выступает А. С. Днепровский

Собрание к 135-летию со дня рождения Д. И. Малинина. 7 ноября 2014 г.

Вступительное слово
М. А. Добычиной

Доклад А. В. Лиона о творческом
и научном наследии Д. И. Малинина

Награждение школьников — участников и победителей
Всероссийского конкурса «Юный архивист»

ПЕРВЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. И. МАЛИНИНА

20 ноября 2015 г.

Программа

12.00. Открытие. Приветственное слово

Виталий Анатольевич Бессонов, заместитель министра культуры Калужской области, к. и. н.

12.15. Вручение дипломов победителям III Всероссийского конкурса «Юный архивист»

Майя Александровна Добычина, начальник управления по делам архивов Калужской области, к. и. н.

12.30–16.00. Калужское старообрядчество: история, культура, современность

Что такое старообрядчество и как нам его изучать.

Виктор Вячеславович Боченков, к. филол. н., заведующий архивом митрополии РПСЦ.

Калужское старообрядчество: история и современность.

о. Иоанн Курбацкий, к.п.н., настоятель Калужского старообрядческого храма Знамения Пресвятой Богородицы.

Боровское старообрядчество: история и современность.

Виктор Иванович Осипов, директор Центра истории и культуры старообрядчества, председатель старообрядческой общины храма Введения Пресвятой Богородицы, г. Боровск.

Фонды библиотеки редких книг и рукописей Московской митрополии РПСЦ — источник для изучения культуры и этноконфессиональной истории регионов России.

Валерий Владимирович Волков, заведующий Библиотекой редких книг и рукописей Московской митрополии РПСЦ.

Выставка и презентация книг и журналов по истории и культуре старообрядчества

20 ноября 2015 г. состоялись первые чтения памяти известного учёного, краеведа, историка Дмитрия Ивановича Малинина. Чтения проходили в читально-выставочном зале Муниципального архива г. Калуги. На первых чтениях был рассмотрен круг вопросов по теме «Калужское старообрядчество: история, культура, современность». Тема заинтересовала многих калужан, которые заполнили читально-выставочный зал муниципального архива. Первым выступал кандидат филологических наук, заведующий архивом митрополии Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) Виктор Вячеславович Боченков с докладом «Что такое старообрядчество и как нам его изучать». В своём выступлении В. В. Боченков подробно и доступно рассказал о современном состоянии в изучении вопросов старообрядчества и охарактеризовал основные тенденции его изучения.

Немалый интерес вызвало сообщение настоятеля калужского старообрядческого храма Знамения Пресвятой Богородицы кандидата педагогических наук о. Иоанна Курбацкого, посвящённого истории и современности калужского старообрядчества. Отец Иоанн познакомил слушателей с историей старообрядческой церкви в Калуге, биографиями настоятелей. Его выступление было близко калужанам. Не меньший интерес вызвало сообщение директора Центра истории и культуры старообрядчества, председателя старообрядческой общины храма Введения Пресвятой Богородицы (г. Боровск) Виктора Ивановича Осипова об истории и современности боровского старообрядчества.

Валерий Владимирович Волков, заведующий Библиотекой редких книг и рукописей Московской митрополии РПСЦ подробно рассказал о фондах библиотеки редких книг и рукописей Московской митрополии РПСЦ как источнике для изучения культуры и этноконфессиональной истории регионов России.

Все выступления вызвали живой отклик присутствующих, докладчики ответили на многие вопросы. Кроме этого ими были представлены книги и журналы по истории и культуре старообрядчества, вышедшие в свет в последнее время, что также заинтересовало присутствующих. Эти издания были отданы в дар научно-справочной библиотеке Муниципального архива г. Калуги, благодаря чему будет дополнена уже имеющаяся там коллекция изданий по истории старообрядчества в Калужском крае.

Интерес к рассматриваемой теме показал, что история старообрядчества и раскола занимает немаловажную часть в истории Отечества и является важной составляющей в истории Калужского края.

Первые чтения памяти
Д. И. Малинина. 20 ноября 2015 г.

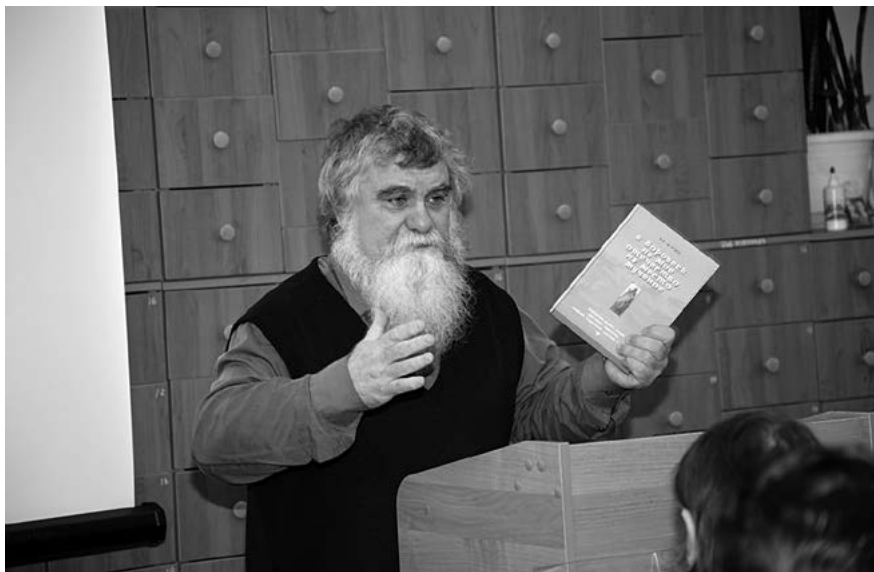

Заместитель министра культуры и туризма Калужской области
В. А. Бессонов и начальник Управления по делам архивов Калужской области
М. А. Добычина открывают Первые чтения памяти Д. И. Малинина

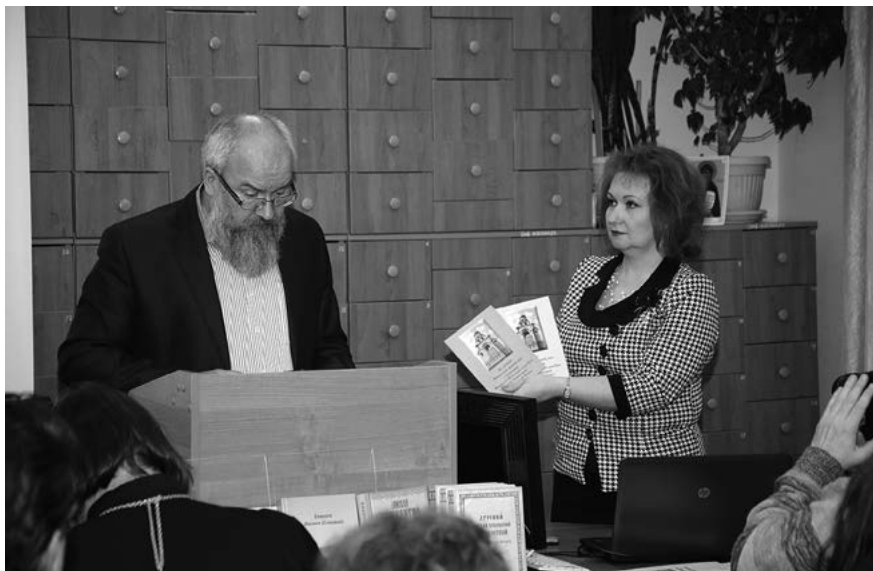
С докладом выступает о. Иоанн Курбацкий

Выступает В. И. Осипов

В. В. Боченков готовится к выступлению

Выступление В. В. Волкова

Фото на память

Боровское старообрядческое общество и городское управление (XIX в.— 1917 г.)¹

В. И. Осипов

Законодательство 1800—1917 гг. в отношении старообрядцев носило отражение той позиции официальных органов, которая была определяющей в тот или иной исторический период. Оно было слабо разработанным и противоречивым. Правовая система носила ограничительно-запретительный и карающий характер, так как старообрядчество официально не признавалось государственными органами. Это всё приводило к самовольному толкованию законов на местах.

Общую характеристику государственной политики следует рассматривать с точки зрения истории складывания взаимоотношений государства и старообрядчества и того уровня, на котором эти взаимоотношения находились на каждом этапе исторического развития. Весь этот период можно разбить на следующие этапы: 1800—1825 гг.; 1825 г. — середина 60-х гг. XIX в.; середина 60-х гг. XIX в. — 1883 гг.; 1883—1905 гг.; 1905—1917 гг.

На *первом этапе*, который вытекал из предыдущего, уходящего во вторую половину XVIII в., были прекращены преследования старообрядцев, им были представлены некоторые гражданские права и свободы в отправлении богослужения. Но однозначно терпимой правительственную политику назвать нельзя, противоречивость её сохранилась.

Второй этап совпадает с царствованием Николая I. В 1826 г. последовал ряд указов, отменяющий свободы, дарованные старообрядцам Екатериной II. Конец царствования был отмечен разгромом Выго-Лексинского общежительства, упразднением старообрядческих скитов, преследованиями приверженцев раскола. Преследования старообрядцев результатов не дало. К 1855 г. старообрядцы составляли 1/8 часть населения России, то есть около 12 млн человек [6, с. 60].

Третий этап — с середины 60-х гг. XIX в. до 1883 г. был отмечен тем, что его основным содержанием стали поиски решения проблемы раскола. Процесс либерализации правительственной политики шёл очень медленно, в официальных кругах и в обществе не было единого мнения по вопросу о том, как решать проблему, связанную с положением старообрядчества. В эти

¹ Здесь и далее тексты прочитанных на Чтениях докладов приведены в авторской редакции.

годы окончательно складываются государственные органы, занимающиеся проблемами раскола. В ходе эволюции этих органов государство стремилось подчинить своему влиянию и контролю старообрядческие общины. Это реализовывалось через усиление бюрократической системы и создание громоздкого аппарата при отсутствии чёткого разделения функций.

Четвёртый этап начинается с нового закона, изданного 3 мая 1883 г., который разрешал открытое совершение богослужений для старообрядцев, а в некоторых случаях и открытие новых молелен. Однако этот закон в значительной мере остался на бумаге. Администрация на местах нередко допускала произвол и притеснения старообрядцев. В ходе открытой реакции 80-х гг. — середины 90-х гг. XIX в., одним из вдохновителей которой был обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, произвол администрации в отношении старообрядцев усиливается. В 1900 г. правительство при содействии К. П. Победоносцева подготовило меры для ограничения деятельности старообрядческих священнослужителей. Новые преследования старообрядцев вылились в оппозиционность к государственному строю, что привело к их объединению и созыву как тайно, так и явно старообрядческих совещаний, собраний и съездов. Регулярно стал функционировать Совет всероссийских старообрядческих съездов, который имел уполномочия от старообрядцев сноситься по их вопросам с правительственными, общественными и частными учреждениями и лицами. В декабре 1904 г. была вручена петиция, подписанная 49 753 старообрядцами председателю комитета министров С. Ю. Витте. Правительство вынуждено было отменить намеченные мероприятия.

Пятый этап охватывает 1905—1917 гг., когда в ходе начавшейся буржуазно-демократической революции правительство издаёт 17 апреля 1905 г. указ, согласно которому старообрядчество получало некоторые права: строить церкви и молельни, открывать общины и приходы. Официально отменено было обидное для старообрядцев название «раскольник». 17 октября 1905 г. был опубликован Манифест, в котором провозглашалась для всех граждан России гражданская и религиозная свободы. 17 октября 1906 г. был издан закон о старообрядческих общинах. Этот закон подтверждал право старообрядцев учреждать свои религиозные общины, открывать храмы, молитвенные дома и школы. Духовные наставники получали права священнослужителей. Однако правительство предоставляло много власти над старообрядцами администрации. В 1909 г. появляются новые «Положения о старообрядческих общинах». Эти «Положения» рассматривались в Государственной Думе

и Государственном совете. Окончательно они были приняты в урезанном виде в 1913 г. По новому закону старообрядцам предоставлялось свободное исповедование их веры. Для образования общины требовалось письменное заявление за подписью 50 человек, принадлежащих к одному и тому же старообрядческому вероучению или согласию. Общинам предоставлялось право избирать духовных лиц, сооружать, устраивать и ремонтировать храмы, молитвенные дома, часовни, колокольни, скиты, обители и кладбища, утверждать благотворительные и просветительные учреждения. Устанавливались правила внутреннего устройства общин. Официально разрешались старообрядческие съезды [4, с. 181–188]. Несмотря на притеснения правительства, принятие нового закона благоприятно отразилось на развитие старообрядчества. По данным Всероссийской переписи, на 1 января 1912 г. в России насчитывалось 2 206 621 старообрядцев, зарегистрированных общин — 1268, зарегистрированных настоятелей и наставников — 1196 человек, старообрядческих храмов — 630, молитвенных домов — 3 161, скитов и обителей — 73, старообрядческих начальных школ — 99 [7, с. 72].

На протяжении XIX в. и до 1917 г. боровские старообрядцы составляли половину населения и активно принимали участие в административной, религиозной, социально-экономической и культурной жизни города.

Старообрядческое общество Боровского уезда состояло из мещанского и купеческого, а в сельской местности — крестьянского сословия.

Численность старообрядцев в Боровске и уезде на 1821 г.

[3, л. 43, 143–173об.]

	Мужского пола	Женского пола	Всего
В Боровске поповцы	348	415	763
В уезде (43) поповцев	31	33	64
Беспоповцев	861	875	1736
При Коряковской	24	38	62
Малолетних беспоповцев	68	77	145
Малолетних поповцев	18	19	37
<i>Итого в уезде</i>	<i>1002</i>	<i>1042</i>	<i>2044</i>
<i>Итого в Боровске и уезде</i>	<i>1350</i>	<i>1457</i>	<i>2807</i>

На 1821 г. в Боровске и уезде проживало 2807 старообрядцев, из них в Боровске — 763 человека. Основную массу представляли старообрядцы беспоповцы, проживающие в уезде и Коряковском скиту, — 1943 чел.

При рассмотрении списочного состава старообрядцев в городе проживало 150 старообрядческих семей, из которых 25 семей принадлежало купеческому сословию, а 125 — мещанскому. Здесь встречаются фамилии, которые известны по документам как в XVIII в., так и на протяжении всего XIX в. — начала XX в.: Щукины, Капырины, Скрыпов, Санины, Пашутины, Голофтеевы, Хомутильниковы, Корнеевы, Ждановы, Глухаревы, Слемзины, Томилины, Алёшины, Молчановы, Второвы, Подшиваловы, Шутовы. Представители этих родов и несли основную тяжесть по государственным налогам, развитию и благоустройству города.

При обозрении в 1891 г. епископом Калужским и Боровским Виталием церквей г. Боровска отмечалось: «Несмотря на великое и славное прошлое города его история покрывается мрачною чертою: жители Боровска не устояли на той высоте религиозного и гражданского духа, которым отличались их предки, изменили вере отец своих, отделились от св. прав. церкви и почти поголовно перешли в раскол. Из девятидесяти тысяч городского населения города едва 1/9 часть принадлежит православию. *Всё городское управление, управление общественным банком и самая торговля в руках раскольников* (выделено мною. — В. О.), так что раскол в Боровске не только пустил глубокие корни, но представляет собою открытое и прочное гнездо» [5, с. 403].

В 1896 г. ему вторит учитель Калужской духовной семинарии М. Чельцов: «В настоящее время Боровск, по преимуществу город раскольнический, подобного ему нет в нашей епархии; мало таких и в других епархиях. В нём при общем количестве жителей в 12—13 тысяч, раскольников до 10—11 тысяч; православные, таким образом, составляют 1/5 часть всего населения. Поэтому нет ничего удивительного, что голова города, члены городской управы и даже частию земской — *раскольники. Общественная богадельня, школы и банк в руках раскольников* (выделено мною. — В. О.). Нечего и говорить уже о том, что торговля и промышленность в Боровске тоже в руках раскола» [12, с. 554—555].

Епископ Виталий и М. Чельцов частично были правы. Официальным властям, как церковным, так и духовным, приходилось мириться с тем, что основная часть выборных во власть г. Боровска составляли старообрядцы [1].

В 1852 г. градскую думу возглавлял III гильдии купеческий сын Козьма Иванович Пастухов. При нём были гласными купец III гильдии Александр Михайлович Питухин и купеческий сын Иван Григорьевич Молчанов. В 1854 г. бургомистром был купец Григорий Семёнович Меренков. В 1861 г. бургомистры: купеческий сын Ефим Тимофеевич Глухарёв, III гильдии купец Сампсон Афанасьевич Алёшин, а городским головой был III гильдии купеческий сын Иван Анисимович Томилин. В 1862—1863 гг. городской головой был III гильдии купец Алексей Козьмич Нечаев. С 1869—1871 гг. городским головой был купец Абрам Миронович Санин. Далее городскими головами были Карп Кононович Глухарёв (1873—1898), купец Василий Иванович Шокин (1899—1902), купец Иван Петрович Полежаев (1903—1906), мещанин Федот Васильевич Девятков (1907), купец Пафнутий Егорович Капырин (1908—1916) и Павел Дементьевич Голофтьев (1917).

В городскую думу в 1873—1917 гг. входили представители боровских старообрядческих родов: Большаковы, Волокитины, Голофтьевы, Глухарёвы, Девятковы, Ждановы, Ёжиковы, Ирошниковы, Калашниковы, Капырины, Куркины, Меренковы, Пашутины, Полежаевы, Помухины, Провоторовы, Санины, Теняевы, Томилины, Шутовы, Шокины, Щербаковы.

Директорами банка и их товарищами во второй половине XIX — начале XX в. тоже были старообрядцы [1]. В 1871 г. директором банка был купеческий сын Иван Иванович Санин; в 1873—1874 гг. директором был купец Яков Панфилович Санин, а товарищами его купцы Пётр Михайлович Полежаев и Иван Трофимович Второв. В 1881 г. директором банка становится купец И. Т. Второв, а членами купец Фёдор Григорьевич Меренков и Макар Елисеевич Шестов.

С 1890 по 1898 г. директором банка был купец Василий Иванович Шокин, с 1899 по 1910 г. — купец Фёдор Дементьевич Голофтьев, с 1910 по 1914 г. — Пётр Яковлевич Санин. В 1915 г. директором банка короткое время был Василий Федотович Слемзин, который до этого, с 1907 по 1914 г., был товарищем директора. В 1916 г. должность директора банка была вакантной.

Товарищами директора банка были: купеческий сын Василий Петрович Меренков (1890—1896), мещанин Фёдор Дементьевич Голофтьев (1890—1898), Николай Иванович Пашутин (1899—1902), Григорий Козьмич Волокитин (1902—1906), Пафнутий Егорович Капырин (1907—1908), Иван Иванович Капырин (1909—1911), Яков Карпович

Капырин (1912), Пафнутий Петрович Ирошников (1915), Семён Иванович Томилин (1916).

Представители городской власти принимали активное участие в жизни старообрядческого общества. Так, 24 июня 1912 г., в доме городского головы Пафнутия Георгиевича Капырина была приготовлена трапеза для духовенства и высоких гостей, которые присутствовали на закладке колокольни Покровского храма [10, с. 709]. 8 августа 1914 г. в Покровском храме в день праздника явления Толгской иконы Божией Матери была епископом Павлом совершена служба. «По окончании службы был крестный ход, и во главе хода шёл вышеозначенный епископ в полном облачении, при колокольном звоне. Настроение было праздничное у всех, и народу было много. Против здания городской управы отслужен молебен о даровании победы нашему христолюбивому воинству над врагами и произнесены многолетия. За молебном присутствовали боровский исправник, уездный воинский начальник и боровский городской голова Капырин» [11, с. 822].

Государство старалось урезать старообрядцев в гражданских правах и не допустить, чтобы они избирались на выборные должности. Тем самым государство и синодальная церковь заставляли «лукавить» старообрядцев при получении ими той или иной выборной должности, выдавая себя за «православных». Этот самообман был известен, но он устраивал обе стороны. После истечения выборного срока или оставления должности всё возвращалось на свои места. Показателен пример Г. С. Мережкова, который в 1854 г. был утверждён бургомистром в боровский магистрат [9]. Ему пришлось получить гильдейское свидетельство как «православному». Но через некоторое время он был уволен, так как на него завели дело как на старообрядца.

Со второй половины XIX в. государство вынуждено было в тех или иных вопросах искать компромисса в своих делах. В октябре 1894 г. в Боровске происходила сессия Калужского окружного суда Боровского уезда. Из 29 присяжных заседателей 12 были старообрядцами, которые категорически отказались принимать присягу по предложенной им «форме», а просили взять с них «торжественное обещание». Чтобы сессия состоялась и не была перенесена, старообрядцам было разрешено принять вместо присяги торжественное обещание. У остальных присяжных заседателей присягу принял молодой священник Благовещенского собора о. Алексей [2, л. 1–23]. Среди отказавшихся принять официальную присягу были по Рогожскому кладбищу мещане Андрей Николаевич

Муромцев, Герасим Фёдорович Рудаков, Андрей Конович Капырин, Николай Петрович Жданов — неокружники; Фёдор Алексеевич Алфёров, Григорий Дмитриевич Капырин, Василий Петрович Меренков, Степан Петрович Мешков, Иван Козминович Мешков, крестьянин Тихон Рудаков — окружники; по Лужковскому толку купец Пётр Михайлович Полежаев и мещанин Пётр Титович Головтеев [9, л. 8].

Эти действия вызвали отрицательную реакцию у «православных доброжелателей». Началось писание «наветов». Губернские власти вынуждены были произвести по этому делу расследования и сделать официальные запросы в МВД — как им необходимо поступить в аналогичных случаях. От боровского уездного исправника на имя губернатора Н. Д. Голицына было конфиденциально направлено письмо от 5 февраля 1895 г. за № 3, где отмечалось, что в Боровске числится старообрядцев по Рогожскому кладбищу 3530 чел. (1680 м.п., 1850 ж.п.), Лужковскому (Селезневскому) толку 2571 чел. (1323 м.п., 1248 ж.п.). Всего же старообрядцев проживает 6101 человек, в то время как «православных» — 3601 чел. (1742 м.п., 1859 ж.п.) [9, л. 8]. Кроме этого, выяснилось также, что в 1867 г. боровские старообрядцы по рогожскому согласию передали в Московский окружной суд крест и Евангелие для приведения их к присяге, которую они принимали до 1883 г., а после стали от неё уклоняться.

Был сделан официальный запрос в МВД: как поступать в данных случаях? Из Министерства юстиции 10 октября 1896 г. был дан ответ, где отмечалось, что, согласно Высочайшему повелению от 17 января и 11 марта 1836 г., старообрядцам разрешено принимать присягу при «старопечатном Евангелии и старинного образца креста» [9, л. 22].

Как гражданские власти могли препятствовать городским выборным властям, особенно если их возглавляли старообрядцы? Это хорошо видно на примере пожара 22 мая 1857 г. [8, с. 98—102]. Пожар начался в 8 1/4 часов в доме купца Григория Меренкова. Сразу же явилась пожарная команда, но потушить огонь не смогла, так как был сильный юго-восточный ветер. Огонь перекинулся на соседний дом купца Глухарева. Из-за города с фабрики Занегина приехали пожарные с заливными трубами. Но всё было безрезультатно. Огонь перекинулся и на другие улицы — Успенскую, Пятницкую, Калужскую. Потом запылала площадь с торговыми рядами, и огонь перекинулся на Спасскую и Разночинскую улицы, которые тоже сильно пострадали от огня. За р. Протвой сгорел цейхгауз с вещами. 20 раз загорался за рекой лес,

но его тушили люди с фабрики Занегина. В результате этого пожара центральная часть города частично выгорела. Пожар затронул и дома, стоявшие на противоположной стороне р. Протвы. Сгорел гостинный двор, лавки, трактир, питейный дом. На соборе сгорел купол, при нём часовня и полицейская будка. Обгорела Спасо Преображенская церковь, стоявшая в центре площади, с неё упала глава, сгорела при ней и часовня. Внутри церковь не пострадала, а церковную утварь успели вынести. Сгорели присутственные места, духовное правление, городская дума, городской магистрат, сиротский и словесные суды, почтовая контора и станция, городская больница, из которой больные были выведены. По общим подсчётам, сгорело до 150 домов и 200 лавок. В МВД от калужского губернатора Толстого 25 мая 1857 г. было отправлено письмо с просьбой оказать помощь пострадавшим от пожара: «К сему считаю излишним присовокупить, что всякое пожертвование деньгами, вещами или жизненными припасами, сколько оно мало не было, будет принято Комитетом с благодарностию, а об именах благотворителей с моей стороны будет доведено до сведения господина министра внутренних дел...». В Боровске был учреждён Комитет для пособия погоревшим. В Комитет вошли городничий, городской голова Алексей Кузьмич Нечаев, купец 3-й гильдии Хрисанф Григорьевич Карнеев, купеческие дети Кузьма Иванович Пастухов и Иван Фёдорович Санин. Уже 29 мая губернатор Толстой прислал собранные 825 руб. серебром. Деньги были переданы И. Ф. Санину с письмом из четырёх пунктов, где губернатор настоятельно требует выявить наиболее нуждающихся боровчан и выдать им пособие «без малейшей проволочки времени». При этом он рекомендует денежное пособие преимущественно выдавать тем людям, которые, «получив его, могут привести своё положение в такое состояние, что обеспечат себя на дальнейшее время своими трудами». Но и в этом письме Толстой не мог обойти стороной старообрядцев. В последнем пункте он конкретно указывает, кому выдавать, а кого исключить из числа получающих пособие: «4) Наконец, пособие должно быть выдаваемо только православным и единоверцам, на том основании, что раскольники, отделясь по собственной воле от св. церкви, а следовательно, и от нашего общества, самопризвольно лишили себя и всех прав на наше участие. О них по справедливости можно сказать слова писания: от нас изыдоша, но не беша от нас». Присланных денег от калужского губернатора Толстого явно было мало. Городской голова А. К. Нечаев обратился к «соотечественникам» откликнуться на просьбу

комитета и помочь погорельцам. На его просьбу откликнулся боровчанин, проживавший в Москве, почётный гражданин Алексей Гаврилович Попов, который пожертвовал 7 000 руб. 1 000 руб. пожертвовал и почётный гражданин Владимир Гаврилович Занегин. Вскоре А. Г. Попов выделил ещё 4 000 руб. и пожелал распределить их следующим образом: на восстановление боровских храмов — 2 000 руб., на ремонт общественных зданий — 2 000 руб. «При этом изъявил желание, чтобы пожертвованные им 7 т. руб. розданы были пострадавшим от пожара бедным жителям, без всякого различия между ними православных от раскольников». Причём жертвователи просили «возложить раздачу пособий на добросовестность лиц, которые для сего избраны, не подвергая их в том никакой отчётности». 17 июня калужский губернатор Толстой запросил комитет сообщить ему, нужны ли будут ещё пособия погоревшим после раздачи уже присланных им 825 руб. серебром и 8 000 руб. жертвователями. 28 июля калужский губернатор Толстой напишет в Комитет по пособиям, что ничего не имеет против того, чтобы деньги, пожертвованные сверх присланной им суммы, были розданы комитетом, как и просят благотворители, всем пострадавшим без различия в вероисповедании, как православным, так и старообрядцам. Членами комитета был составлен список домохозяев, пострадавших от пожара, которым необходимо было раздать государственные отчётные деньги. В списке было учтено 130 домовладельцев. В списке имелось несколько граф. В них указывалось звание и социальное положение домохозяев, описание дома, на какую сумму сгорело имущество, сколько получили пособия, а если нет, то почему. В последней колонке часто встречается запись «по расколу не выдано» или «в пособии не нуждается». На Успенской улице учтено — 20 домовладельцев: из них «по расколу не выдано» — 7 домовладельцам, «в пособии не нуждаются» — 9 домовладельцев, получили пособия — 3 домовладельца.

На Пятницкой улице учтено 9 домовладельцев: из них «по расколу не выдано» — 6 домовладельцам, «в пособии не нуждаются» — 1 домовладелец, получили пособия — 2 домовладельца.

На Калужской улице учтено — 10 домовладельцев: из них «по расколу не выдано» — 2 домовладельцам, «в пособии не нуждаются» — 3 домовладельца, получили пособия — 5 домовладельцев.

На Спасской улице учтён 21 домовладелец: из них «по расколу не выдано» — нет, «в пособии не нуждаются» — 3 домовладельца, получили пособия — 15 домовладельцев.

На Разночинской улице учтено 52 домовладельца: из них «по расколу не выдано» — 13 домовладельцам, «в пособии не нуждаются» — 7 домовладельцев, получили пособия — 32 домовладельца.

На Площади учтено 13 домовладельцев: из них «по расколу не выдано» — 4 домовладельцам, «в пособии не нуждается» — 1 домовладелец, получили пособия — 6 домовладельцев.

В Мясных рядах учтено — 5 домохозяев и 6 арендаторов: из них «по расколу не выдано» — 4 домовладельцам и 3 арендаторам, «в пособии не нуждаются» — 1 домовладелец и 1 арендатор, получили пособия — 1 домовладелец и 1 арендатор. Итак, из всего списка 36 домовладельцев и 3 арендатора пособия не получили («по расколу не выдано»). От пособия отказались 25 домовладельцев и 1 арендатор. Это были богатые купцы-староверы, которые понимали, что тоже попадают под графу «раскольники». Кроме этого, они могли самостоятельно восстановить погоревшие дома и хозяйственные постройки. Купцы-староверы имели большие двух- и трёхэтажные дома, ущерб которых оценивался чуть ли не в целое состояние: на Успенской улице у Григория Семёновича Меренкова ущерб оценивался в 12 500 руб.; у купца Аксёна Ивановича Глухарёва — 1 150 руб., у купца И. И. Пастухова — 5 400 руб. На Калужской улице ущерб у купца Козьмы Афанасьевича Нечаева составил 7 000 руб. а у купчихи Марьи Ивановны Большаковой — 6 200 руб. и т. д. Пособие же выдавалось в размере от 9 руб. 50 коп. до 14 руб. 25 копеек. Конечно, оно раздавалось остро нуждающимся. Совершенно очевидно, что финансовая помощь погорельцам, поступившая от официальных органов, составляла незначительную часть. Восстановление ущерба в основном легло на ту часть старообрядческого населения, которая скрывалась в графе под словами «в пособии не нуждается», а также на благотворителей, которые считали, что их деньги должны быть розданы «бедным жителям, без всякого различия между ними православных от раскольников». В течение нескольких лет с последствиями пожара боровчанам удалось справиться.

Следует отметить, что боровские старообрядцы на протяжении всего XIX в. активно участвовали в общественной и хозяйственной жизни города и, если случались непредвиденные обстоятельства (война 1812 г., пожары, болезни и эпидемии), принимали активное участие в исправлении нанесённого городу и горожанам ущерба.

Источники и литература

1. Административно-чиновничий аппарат г. Боровска и уезда (1852—1917): Справочный материал, составленный по «Памятным книгам Калужской губернии» с именным указателем. Боровск, 2008. Машинопись. Составитель О. П. Захарова // Боровский музей. Библиотека № 7038.
2. ГАКО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 80.
3. ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Т. 1. Д. 1217.
4. Законопроект о старообрядческих общинах в Государственной думе. М., 1909.
5. Калужские епархиальные ведомости (КЕВ). 1891. № 12*.
6. Мельников П. И. Раскольники и сектанты в России // Исторический вестник. 1885. Кн. VII.
7. Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.
8. Осипов В. И., Осипова А. В. Кто помог боровчанам? (Пожар в Боровске 1857 г.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы Международной научной конференции. (11—13 ноября, Москва). Т. I. М., 2014.
9. Российский государственный архив Древних актов (ГАДА). Ф. 1198. Оп. 2. Ч. 2. Д. 10/5435.
10. Церковь. 1912. № 29.
11. Церковь. 1914. № 35.
12. Чельцов М. К характеристике Боровского раскола (по поводу отчёта Братства преподобного Пафнутия за 1895/1896 год) // КЕВ. 1896. № 18.

Строительство в Боровске старообрядческих храмов в начале XX в.

В. И. Осипов

В 1817 г. до Министерства полиции дошли сведения, что в Боровске построена часовня. Постановлением Комитета Министров от 22 декабря 1817 г. было разрешено: «часовни в городах Чугуеве и Боровске, также и богодельные дома в Саратове, как издавна существующие, оставить в настоящем состоянии, уничтожив только главу в часовне в Чугуеве» [22, с. 53—54].

К 1817—1820 гг. боровские старообрядцы могли смело утверждать, что их часовня является «старой» и имеет право на существование. В 1846 г. старообрядческий храм (часовня) была отобрана и передана единоверцам [15, с. 37—44].

Весь XIX в. боровские старообрядцы молились по моленным, которые располагались в разных домах [14; 16, с. 170—180].

По Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в 1897 г. в Боровске проживало 8 414 человек, из них старообрядцев 3 710 человек, что составляло 44, 1 % [21].

21 сентября 1891 г. боровский исправник сообщал, что в Боровске проживает до 2 700 старообрядцев-окружников [7, л. 5]. 13 марта 1897 г. боровский урядник в рапорте называет количество боровских старообрядцев до 4 200 чел. [8, л. 11—11об.]. К 1903 г. численность старообрядцев в городе увеличивается [1, л. 47].

После указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» церковная жизнь старообрядцев была легализована [12, с. 37—65].

С 1906 по 1909 г. в Боровске официально были зарегистрированы четыре старообрядческие общины, хотя, разумеется, все они существовали задолго до этого. Это Боровская старообрядческая община тульско-лужковская (зарегистрирована 7 апреля 1907 г.), Всехсвятская старообрядческая община (14 января 1908 г.), Покровская 1-я старообрядческая община (14 января 1908 г.), Покровская 2-я старообрядческая община (13 апреля 1909 г.). Кроме того, известно, что служили в них три протоиерея, два иерея, один диакон и один наставник [18, с. 41—50; 19, с. 39].

Перед началом 1-й мировой войны в Боровске существовало три старообрядческих храма и один единоверческий. Эти храмы были построены в короткий срок с 1908 по 1912 г. [17, с. 23—25].

Старообрядческий храм Всех Святых

Первым был построен храм во имя Всех Святых на Успенской улице (ныне ул. Ленина, 27). Всесвятская община объединяла старообрядцев — последователей епископа Иова, принявших «Окружное послание» 1862 г. и именовавшихся «окружниками» («иовцами»). Не имея постоянного помещения для проведения богослужений, община «кочевала» по домам богатых прихожан [23, с. 109], пока купцам Ф. М. Шокину и Саниным после долгих ухищрений не удалось добиться разрешения на постройку моельного дома [12, с. 12]. Он был построен во второй половине 1890-х гг.

13 апреля 1899 г. из МВД калужскому губернатору было направлено письмо с просьбой разрешить обратить дом мещанки Марии Рудаковой в общественную моленную и его расширить. 1 мая 1899 г. эта радостная весть была объявлена боровским старообрядцам и была выдана копия письма из МВД. Боровские старообрядцы начали перedelывать дом

Рудаковой на Успенской улице под новую моленную. Из неё в первое десятилетие XX в. вырос храм Всех Святых.

Всехсвятская община со священником о. Карпом была инициатором начала крестных ходов к могиле мучениц боярыни Ф. П. Морозовой и кн. Е. П. Урусовой. Первый крестный ход состоялся 11 сентября 1905 г. После этого они стали ежегодными [29, с. 1299].

31 декабря 1907 г. старообрядцами Всехсвятской общины было подано заявление об официальной их регистрации:

«В Калужское Губернское Правление

Нижеподписавшихся старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии.

Заявление

В городе Боровске, на Успенской улице, с давнего времени имеется храм во имя Всех Святых, прихожанами которого состоят старообрядцы как города Боровска, так равно и его уезда.

Прихожане означенного храма и мы, заявители, состоим старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии, состоящей из трёх ступеней: епископов, священников и дьяконов. Они и совершают духовное служение в храме и вообще отправляют церковные таинства и требы.

Мы учреждаем старообрядческую общину на основании закона 17 октября 1906 г., деятельность которой распространяется на город Боровск и его уезд. В заведовании этой общины поступает указанный храм. Учреждаемая община получает наименование «ВСЕХСВЯТСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ОБЩИНА» в г. Боровске. Делами нашей (общины) заведует Совет, избираемый во всём согласно правил закона 17-го октября 1906 г.

Отсылая одновременно почтовым переводом 4 р. 50 к. Из коих 3 р. на публикацию в Сенатских объявлениях и 1 р. 50 к. в местных Губернских Ведомостях, покорнейше просим Губернское Правление разрешить образование Всехсвятской старообрядческой общины в г. Боровске, внести её в реестр, распубликовать в Сенатских объявлениях и местных Губернских Ведомостях и выдать нашему уполномоченному копию журнального постановления с утверждением нашей общины.

Подать настоящее заявление верим Ивану Ивановичу Санину, живущему в городе Боровске, которому одному за всех нас просим выдать копию журнального постановления с утверждением нашей общины, а также предъявлять какие-либо требования. Декабря 31 дня 1907 г.».

Боровск. Старообрядческий храм Всех Святых

Всего 51 подпись. Заявление поступило 2 января 1908 г., а 23 января 1908 г. губернское правление разрешило учредить общину [11, л. 1].

22 февраля 1908 г. состоялось общее собрание общины. На нём выбрали: председателем Алексея Пафнутьевича Ёжикова, товарищем председателя Петра Васильевича Шутова, казначеем Михаила Ивановича Санина. В ревизионную комиссию вошли Яков Карпович Капырин, Василий Иванович Полежаев, Николай Леонтьевич Провоторов. Также восемь прихожан вошли в состав совета её членами.

На этом же собрании был избран священник Карп Лазоревич Тетёркин и дьякон Григорий Егорович Борзов. Губернская администрация сделала запрос о благонадёжности священства:

«Богородскому уездному полицейскому управлению.

Совет Всехсвятской старообрядческой общины в г. Боровске Калужской губернии, предоставив постановления общего собрания членов общины об избрании духовными лицами общины крестьянина дер. Коротковой Запоторской(?) волости Богородского уезда Карпа Лазоревича Тетёркина и крестьянина Ильинской волости Богородского уезда Григория Егоровича Борзова, первого как священника и второго как дьякона, просят об утверждении Тетёркина и Борзова.

Ввиду сего Губернское Правление поручает Полицейскому Управлению донести: не подвергались ли Тетёркин и Борзов за преступные деяния суду и не состоят ли под следствием и судом и в утвердительном случае, когда и за что были судимы и каким наказанием подвергались или по обвинению в каких преступлениях состояли под следствием, не признаны ли Тетёркин и Борзов по суду лицами несостоятельными и не были ли они исключены из среды общества по приговору того сословия, к которому принадлежат» [11, л. 23 и 23об.].

Ответ, полученный от боровского исправника, удовлетворил вышестоящее начальство, так как больше запросов не последовало.

Храм поражал современников добротностью постройки (паровое отопление и т.д.) и роскошью отделки [20, с. 12]. Тем не менее в изданиях господствующей церкви он продолжал именоваться молебным домом. С 1908 г. молебный дом начинает приобретать и внешний облик храма.

15 мая 1908 г. о. Карпом при храме было открыто училище церковного пения. Учитель пения — И. Ф. Пучков. Пению обучалось до 30 человек, «успех очень благоприятный для церкви и прихожан; поют с хорошим познанием...» [25, с. 592].

29 июня 1908 г. на праздник святых апостолов Петра и Павла состоялась закладка колокольни, которая «строится на средства Всехсвятской общины и добровольные пожертвования прихожан» [26, с. 979].

6 декабря 1908 г. состоялось поднятие на храм креста. Богослужение совершали настоятель храма о. Карп Тетёркин, о. Афанасий Ковшов и диакон Григорий Борзов. Песнопения исполнял хор из мальчиков и девочек под управлением Пучкова.

После обычных многолетий государю и государыне, местному епископу Ионе и всем православным христианам членами общины была послана телеграмма Государю Императору следующего содержания:

«Царское Село.

Его Императорскому Величеству.

Боровская Всехсвятская старообрядческая община впервые возносит на храме своём крест Господень и молит Всевышнего Царя о твоём, Государь, здравии и благополучии, даровавшем державною твоею волею свободу хвалить и славить Творца небес по-древне-православному. Прими, Великий Государь, наши всеподданнейшие поздравления с ангелом и чувства готовности положить жизнь за помазанника Божия.

Председатель общины А. Ёжиков».

17 января 1909 г. был получен ответ на телеграмму через боровского уездного исправника:

«М. В. Д.

Копия:

Калужского губерна-
тора

по канцелярии
13 декабря 1908 г.
№ 11817
Калуга

Государь Император Высочайше повелеть соизволил благодарить боровскую Всехсвятскую старообрядческую общину за выраженные во всеподданнейшей телеграмме от 6-го сего декабря верно-подданнические чувства по случаю высоко-торжественного дня тезоименитства Его Императорского Величества.

Об этом даю знать вашему высокоблагородию для объявления по принадлежности.

Подлинный подписали: и.д. губернатора вице-губернатор Оленников, управляющий канцелярией Генералов и старший помощник правителя канцелярии С. Соловьёв» [33, с. 214—215].

22 марта 1909 г., в Вербное воскресенье, на вновь отстроенную колокольню храма Всех Святых были подняты колокола. Первый в 205 пудов был пожертвован старообрядцами Ёжиковыми, а другой в 60 пудов — Саниными. Всех колоколов десять, и звон отличался чистотой звука. «Только местный городской собор может сравниться по силе звона с вновь повешенными колоколами. Боровские старообрядцы особенно радостно праздновали Святую Пасху в текущем году, после многолетнего невольного затворничества» [34, с. 631].

21 ноября 1913 г. состоялось торжественное чествование местного протоиерея о. Карпа Лазаревича Тетёркина по случаю 25-летнего служения его в сане священника при сказанном храме. Также состоялось чествование диакона Григория Георгиевича Борзова за 25-летнее служение его в г. Боровске при храмах Всехсвятском и Покровском [40, с. 24–25].

Старообрядческий храм Покрова Пресвятой Богородицы 1-й общины

Покровская 1-я старообрядческая община была официально зарегистрирована 19 февраля 1908 г., хотя существовала задолго до выделения из неё Всехсвятской общины [23, с. 109]. Ещё до её регистрации было начато строительство нового храма на ул. Нижней (сейчас ул. Циолковского).

В середине 1904 г. было подано прошение в канцелярию калужского губернатора прихожанина общины купеческого сына Поликарпа Капырина о разрешении приспособить пожертвованного купцами Саниными здание под молитвенный дом. 30 декабря 1904 г. боровскому исправнику был направлен запрос с вопросами: «1) действительно ли существующий молитвенный дом пришёл в ветхость и имеется ли разрешение на открытие его, 2) действительно ли является необходимость в устройстве нового молитвенного дома и предположено ли закрытие существующего молитвенного дома и какое он будет иметь назначение по устройству нового молитвенного дома...» [10, л. 1]. В 1905 г. начинается переписка между калужским губернатором и Департаментом общих дел МВД по поводу новой моленной. Губернатор А. Офросимов в письме от 7 марта 1905 г. в Департамент общих дел МВД писал, что со «своей стороны не нахожу препятствий к удовлетворению просителей». Вместе с губернатором подписались вице-губернатор кн. Голицын и губернский инженер Б. Савицкий [10, л. 5]. 21 марта 1905 г. пришёл ответ из МВД: «Уведомляю Ваше Превосходительство, для зависящих распоряжений,

Боровск. Старообрядческий храм Покрова Пресвятой Богородицы 1-й общины

что я признаю возможным разрешить уполномоченному от проживающих в г. Боровске последователей австрийской секты купеческому сыну Поликарпу Капырину перестроить пожертвованный купцами Саниными дом и обратить его в моленную, при условии предварительного одобрения строительным отделением Калужского губернского правления...» [10, л. 6]. Это новое разрешение из МВД позволило членам общины подойти по новому к этому вопросу. Зачем переделывать старый дом под моленную, если рядом можно построить новый храм. Но как за это дело взяться? Решение пришло оригинальное. Надо добиться разрешение в МВД на возведение наружного купола с крестом и звонницы, после этого попросить не перестраивать старое здание, а рядом построить новое, на земле, принадлежащей общине. Примерно по такому сценарию и были дальнейшие действия общинников. Они просят МВД разрешить им возведение наружного купола с крестом и звонницей и 22 сентября 1905 г. калужский губернатор получает из МВД ответ: «Уведомляю Ваше Превосходительство, для зависящих распоряжений, что я признаю возможным разрешить уполномоченному от старообрядцев гор. Боровска Поликарпу Капырину к разрешённой предложением Министерства от 21 марта сего года, за № 281, постройке молитвенного дома, на месте, пожертвованном для этой цели купцом Саниным, добавить наружный купол, крест и звонницу, при условии предварительного рассмотрения строительным отделением Калужского губернского правления...» [10, л. 16]. 6 октября 1905 г. было подано прошение на имя губернатора от П. Е. Капырина с прошением о разрешении построить старообрядческую церковь взамен разрешённого молитвенного дома. В прошении подчёркивалось, что план храма и прошение были поданы ранее в МВД, на который они получили разрешение. Все прошения и планы были рассмотрены строительным отделением Калужского губернского правления. Возражений против строительства храма не было. Всё это было утверждено калужским губернатором А. А. Офросимовым [10, л. 17]. Но дело с постройкой храма затянулось до 1908 г.: сначала нужно было решить вопрос с официальной регистрацией общины. Старая моленная продолжала действовать.

19 февраля 1908 г. состоялось собрание членов общины в здании старого молитвенного дома [24, с. 398]. На собрании избрали председателя Ф. И. Шокина и настоятеля — бывшего ранее священника о. Афанасия. Был избран совет из девяти членов: священник Афанасий Ковшов, Ф. И. Шокин, П. Е. Капырин, А. М. Калашников, Пётр Капырин,

И. А. Калашников, И. П. Капырин, А. П. Памухин, Т. А. Глухарёв, в ревизионную комиссию избраны Л. И. Дёмин, Ф. П. Памухин и А. Ф. Глухарев. Рассматривался и имущественный вопрос — какое назначение получит имущество общины в случае прекращения её деятельности. Поставлено: в случае прекращения деятельности общины оно переходит в собственность Всехсвятской общины в г. Боровске. Также в собственность общины поступила от И. Санина, М. Санина, Ф. Шокина и П. Капырина недвижимое имущество (2 дома и 2 земельных участка).

13 июля 1908 г. по благословению местного епископа Ионы в воскресенье была произведена торжественная закладка престола в новом храме Покрова Пресвятой Богородицы. Был приглашён членами Покровской общины священник о. Карп Тетёркин из Всехсвятской общины с причтом. После службы из моленной («старый Покровский храм») вышел крестный ход в новый храм, где был отслужен молебен с водосвящением, по окончании которого была совершена по чиноположению закладка престола. Первые кирпичи были положены о. Афанасием и им был возжён и поставлен светильник; вторые кирпичи клали о. Карп Тетёркин и диакон Григорий Борзов. После этого был водружён и залит цементом крест. «Во время богослужения песнопения исполнял местный детский хор» [28, с. 1076].

Через несколько месяцев, 16 ноября 1908 г., в общине состоялось торжественное поднятие колоколов на временную звонницу. Богослужение совершал о. Афанасий Ковшов с диаконом Григорием Борзовым и священником о. Карпом Тетёркиным из Всехсвятской старообрядческой общины. Колокола были пожертвованы Ф. Е. Морозовой, Е. В. Провоторовой и М. Ф. Капыриной [30, с. 1636].

18 декабря 1908 г. в общине состоялось долгожданное знаменательное событие — освящение храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Освящение совершал архиепископ Московский Иоанн в сослужении епископа Ионы Смоленского и Калужского, 5 священников и 3 диаконов. Пел московский хор, соединённый с местным мужским и женским. По окончании богослужения владыкою Иоанном была сказана речь. Затем настоятелю храма о. Афанасию Ковшову, строителям храма председателю совета общины Ф. И. Шокину и его товарищу П. Г. Капырину были поднесены благодарственные адреса. Тексты адресов полны уважения и признательности за укрепление общины и строительства храма [31, с. 59–62].

9 января 1909 г. в общине состоялось второе общее собрание. Председательствовал Ф. И. Шокин. Подлежали обсуждению следующие вопросы:

1. Отчётность строителей и церковного старосты с заключением ревизионной комиссии;
2. Об улучшении церковного пения;
3. О постройке ограды с уличной стороны храма;
4. Об увеличении состава совета тремя членами и приискании средств для погашения долгов.

Все вопросы собранием были приняты и средства для покрытия долгов поставлено собрать подпиской, которая тут же была начата. Было собрано и скинуто долга на 2500 рублей [32, с. 175].

С построением храма налаживалась и церковная жизнь. В мае 1912 г. в Боровске состоялся съезд благочинных для избрания делегатов на Освящённый Собор в Москву. Были избраны о. Афанасий Ковшов, от мирян П. Е. Капырин и кандидаты к нему П. И. Санин, И. В. Пашутин [38, с. 730—731].

28 июля 1910 г. храм Покрова Пресвятой Богородицы посетил великий князь Михаил Александрович. Он был встречен старообрядческим духовенством, попечителями и прихожанами. От имени прихожан была поднесена икона прп. Пафнутия Боровского. (На память об этом событии была изготовлена гранитная доска размером 45×76 см и закреплена внутри храма. Текст на доске: «1910 г. 28 июля 5 ч. дня. Сей храм Покрова Пресвятой Богородицы посетил Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович / Был встречен старообрядческим духовенством, попечителями и прихожанами / Священником о. Афанасием Ковшовым от прихожан была поднесена икона Пафнутия Боровского Чудотворца».)

24 июня 1912 г. по благословению архиепископа Московского Иоанна о. Афанасий в сослужении благочинного Всехсвятской общины о. Карпа Лазаревича Тетёркина и местного диакона Григорая Егоровича Борзова произвели закладку колокольни. На месте закладки был отслужен молебен храму с водоосвящением. После речей крестный ход возвратился обратно в храм с пением стихир. После этого была трапеза для духовенства и гостей в доме городского головы Пафнутия Георгиевича Капырина [37, с. 709]. 15 февраля 1914 г. колокольня была построена и на неё был поднят большой колокол. Вот как это описывает очевидец: «Погода стояла не холодная, народу было много. Старообрядческое духовенство,

при участии диакона московского Рогожского кладбища Хрусталёва отслужило молебствие и произнесены многолетия. Торжественное служение и стройное пение умилило молящихся. Трогателен момент поднятия колокола, когда все обнажили головы и набожно крестились, ожидая первого удара в колокол, и наконец, раздался первый удар и звон колоколов, который своею торжественностью звуков усугублял радость всех бывших на том торжестве» [41, с. 292].

8 августа 1914 г., в день праздника явления Толгской иконы Божией Матери, храм посетил и вёл службу епископ Павел. «По окончании службы был крестный ход, и во главе хода шёл вышеозначенный епископ в полном облачении, при колокольном звоне. Настроение было праздничное у всех, и народу было много. Против здания городской управы отслужен молебен о даровании победы нашему христоробивому воинству над врагами и произнесены многолетия. За молебном присутствовали боровский исправский уездный воинский начальник и боровский городской голова Капырин» [42, с. 822].

Первая мировая война внесла сильные изменения во внутреннюю жизнь боровчан. Каждый старался чем-либо помочь армии. В стороне не осталась и община. 3 сентября 1914 г. было освящено здание под лазарет для больных и раненых воинов. «Помещение, отремонтированное из старого бывшего молитвенного дома, очень приличное, вместимостью на 15 кроватей. Все места уже заняты вышеназванной общиной и dobroхотными добротворителями-старообрядцами. Чин освящения совершал о. протоиерей Афанасий Дионисиевич Ковшов, совместно со своим причтом. При этом был совершён канон — молебен Господу Богу о даровании победы над врагами. По окончании молебна и по прочтении положенных молитв о. протоиереем была сказана трогательная речь о больных и раненых воинах

Затем о. диаконом Борзовым были провозглашены многолетия “царское” и победоносному христоробивому воинству. При ограждении крестом была поставлена тарелка в пользу раненых воинов и собрана значительная сумма от православных христиан. При возвращении крестного хода в храм певцы пели: “С нами Бог, разумеите, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог”» [43, с. 890].

Старообрядческий храм Покрова Пресвятой Богородицы 2-й общины

Позднее других был построен храм Покровской 2-й общины, долго не имевшей постоянного молебельного дома. Неокружники позднее других зарегистрировали свою общину и позднее приступили к строительству храма. 2 апреля 1909 г. на собрании прихожан была зарегистрирована давно существовавшая община и проведена подписка на постройку храма. Главными жертвователями были богатые предприниматели Ждановы, внёсшие 25 тыс. руб., а также члены общины Е. Е. Шевелев, И. А. Головтеев, П. М. Шестов [34, с. 631].

Освящение храма Покрова Пресвятой Богородицы 2-й общины состоялось 18 июня 1912 г. [36, с. 683–684]. В журнальной заметке описание храма сопровождается эпитетом «великолепный». Освящали его два архиерея: местный калужский Иоасаф и вновь рукоположенный на Москву Конон. Из священников были: местные протоиерей о. Иоанн Щедрин и о. Александр Соколов, приезжие о. Лев Молоковский, о. Иоанн Московский, о. Стефан Чулковский и архидиакон Феодор Осе-тров. Всенощное бдение и литургию пел свой местный хор. Вокруг храма был совершён крестный ход, с хоругвями, запрестольными и местными иконами. После крестного хода последовало архиерейское облачение местного епископа Иоасафа. На освящение были приглашены также и принадлежащие к пастве архиепископа Иоанна; были и последователи господствующей церкви и светские официальные лица: судебный следователь, член окружного суда, воинский начальник, бывший исправник, городской голова и надзиратели частей города.

На торжествах прихожанином храма Павлом Дементьевичем Голоф-теевым был прочитан благодарственный адрес Н. Н. Жданову, который оказал помощь в строительстве храма. В ответной речи Жданов обратился к присутствующим с речью: «Преосвященные владыки и святые отцы! Наш родитель, ныне покойный, завещал нам: когда будет воздвигаться храм Божий в г. Боровске, помогайте своими средствами этому святому делу; в то же время он убедительно просил нас постараться, чтобы был мир церковный и не было бы между нашим и прочими обществами раздора церковного. Потому прошу вас, владыки и отцы, подумайте о мире! Позаботьтесь о примирении с прочими и о разрушении раздора церковного». Слова Жданова не встретили сочувствия у епископов и священства. Но своим поступком он показал, что некоторая часть «неокружников»

Боровск. Старообрядческий храм Покрова Пресвятой Богородицы 2-й общины

придерживаются его взглядов. Через несколько дней он присутствовал на закладке колокольни храма Покрова 1-й общины окружников.

К этому времени в обществе боровских старообрядцев, разделённых Окружным посланием 1862 г., появляется тенденция к преодолению разобщённости. Инициаторами примирения выступали «окружники»: священники Всехсвятской и 1-й Покровской общин о. Карп Тетёркин и о. Афанасий Ковшов. В 1912 г. они направили открытое письмо членам Покровской 2-й общины с призывом к последователям епископа Иова («противоокружникам») прекратить вражду и «подумать о мире и соединении». Письмо было опубликовано в журнале «Церковь» [35, с. 342—343]. В нём говорилось: «Обращаемся к вам не как к противникам или врагам (избави нас Бог от этого!), а как к своим друзьям и братьям, находящимся с ними в разделении не по каким-либо основательным причинам, а лишь в силу печальных недоразумений. Довольно нам уже враждовать и спорить. Надо подумать о мире и соединении, как заповедано Самим Господом, и о том мы молимся ему.

Переживаемое нами время — самый удобный момент для разъяснения существующих между нами недоразумений и для устройства мира хриstopреданного, без чего спастись невозможно. ...Сам Бог неисповедимыми Его судьбами приводит нас с вами в единение к миру церковному. У нас епископ Иона, волею Божиею, скончался и переселился в иной мир покоя. Теперь мы находимся без своего епархиального архиерея, а ваш епископ преосвященнейший Иоасаф может быть теперь вашим и нашим, общим святителем, и да будет едино стадо и един пастырь. Предбудущий собор наших Боголюбивых епископов с великой радостью утвердит его. Мы вполне надеемся и на граждан наших православных христиан, а также и вся наша епархия примет это всё с радостью, без всякого прекословия...

Братие! Что было прежде между нами и вами — предадим всё это забвению, а обьем друг друга и простим вся Воскресением и сотворим в любви величайшее торжество. Остаёмся в надежде на вашу добрую благосклонность, что не оставите наш сердечный призыв, исходящий из глубины душ наших. Желающие спасения вам и мира церковного».

Если в церковном плане разделение окружников и неокружников продолжалось, то в общественных делах они выступали совместно. Объединяющим началом служила работа в комитете по строительству храма великомученицам Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой, пострадавшим за древлеправославие в XVII в. 18 июля 1912 г. состоялось

объединённое собрание старообрядцев разных согласий. Инициатива исходила от 2-й Покровской общины (неокружников). На заседание прибыли: член Совета всероссийских съездов старообрядцев М. И. Бриллиантов, от 1-й Покровской старообрядческой общины: священник А. Д. Ковшов, диакон Г. Е. Борзов, П. Е. Капырин, П. П. Капырин, И. А. Калашников, Н. А. Шевалев, А. А. Калашников, И. П. Капырин; от Всехсвятской старообрядческой общины: священник К. Л. Тетёркин, Я. К. Капырин, П. В. Шутов, М. И. Санин; от старообрядческой общины, приемлющей священство, переходящее от господствующей церкви, тульско-лужковского согласия: И. П. Полежаев, Г. П. Глухарёв и от 2-й Покровской общины (последователи епископа Иова): священник о. Иоанн Щедрин, И. А. Головтеев, Я. Е. Шевелев, Ф. Д. Голофтеев, М. П. Капырина, К. П. Капырина, А. П. Капырина, С. И. Голофтеев, Б. И. Леснов. Всего 28 человек. Собрание единогласно выразило желание постройки часовни на могиле боярыни Морозовой и княгини Урусовой. Тогда же был рассмотрен и выбран проект часовни гражданского инженера Амилюстина с широким куполом в псковско-новгородском стиле, окружённой пристройками московско-ярославского стиля. Для выполнения постановлений был избран комитет, включающий по два лица от совета каждой старообрядческой общины в Боровске и несколько лиц из других мест России. В него вошли от Совета всероссийских съездов старообрядцев П. П. Рябушинский, М. И. Бриллиантов, А. И. Морозов; от Всехсвятской общины священник К. Л. Тетёркин и А. П. Ёжиков; от 1-й Покровской общины священник А. Д. Ковшов и А. А. Калашников; от тульско-лужковской общины И. П. Полежаев и Г. П. Глухарёв; от 2-й Покровской общины Я. Е. Шевелев и Н. Н. Жданов, а за его отсутствием — С. И. Голофтеев [39. с. 749–750].

После регистрации старообрядческих общин были заведены метрические книги. В Государственном архиве Калужской области сохранились метрические книги 2-й Покровской общины за 1909–1919 гг. Церковная жизнь неокружников шла своим ходом: крестили, венчали, отпевали, решали общинные дела.

С декабря 1909 г. на помощь старенькому священнику о. Иоанну Щедрину был поставлен второй священник Александр Соколов. Отец Иоанн Щедрин упоминается в книгах за 1909–1915 гг. С января 1915 г. ему вместо священника Александра Соколова стал помогать исполнять церковные требы новый священноиерей Иоанн Трофимов, который в 1918 г. служил уже без о. Иоанна Щедрина. Можно предположить,

что тот умер между 1916—1918 гг. В 1913—1918 гг. в храме псаломщиком был Аким Иппалитов.

В 1909—1917 гг. председателем совета общины был Иван Голофтеев, а его постоянными членами Яков Ефимович Шевелев и П. Головтеев. В 1918 г. за председателя совета подписывался П. Головтеев.

Итак, можно сделать вывод, что на протяжении периода второй половины XIX в.—1917 г. боровские старообрядцы, несмотря на все преследования со стороны духовных и светских властей, имели две моленные, вокруг которых группировались общины. Сохранение моленных позволило в первом десятилетии XX в. старообрядческому обществу укрепить свои позиции и построить вместо моленных храмы: Всехсвятский, Покрова 1-й общины и Покрова 2-й общины.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 959.
2. ГАКО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 1097.
3. ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 3171.
4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 3713.
5. ГАКО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 42.
6. ГАКО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 414.
7. ГАКО. Ф. 62. Оп. 6. Д. 360.
8. ГАКО. Ф. 62. Оп. 8. Д. 2055.
9. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 1713.
10. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 2453.
11. ГАКО. Ф. 62. Оп. 19. Д. 2246.
12. *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.
13. *Осипов В. И.* К вопросу о численности старообрядцев Калужской губернии в XIX— первом десятилетии XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000. С. 33—38.
14. *Осипов В. И.* Численность старообрядческого населения Боровска и уезда в XIX — начале XX в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII Региональной научной конференции 17—19 марта 1999 г. Калуга, 2001. С. 110—116.
15. *Осипов В. И.* Боровская драма: от старообрядческой часовни к единоверческой церкви // Земля боровская. Вып. 3. Боровск, 2006. С. 39—58.
16. *Осипов В. И.* Моленные и храм боровских неокружников (вторая половина XIX — середина XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2007. С. 170—180.
17. *Осипов В. И., Осипова А. И.* К вопросу о времени постройки старообрядческих храмов в г. Боровске // Бюллетень РНИА «Верхнее Поочье». Калуга, 1993. С. 23—25.

18. *Осипов В. И., Осипова А. И.* Из истории боровских старообрядческих общин XX в. // *Старообрядчество: история, культура, современность.* Вып. 6. М., 1998. С. 41–50.
19. *Осипов В. И.* Калужские старообрядцы. 1900–1914 гг. // *Старообрядчество: история, культура, современность.* Вып. 3. М., 1995.
20. Отчёты Братства Пафнутия за 1883–1910 гг. Калуга, 1884–1910.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. 1. СПб., 1901; Тетр. 2. СПб., 1903.
22. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858.
23. *Тихомиров И.* Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900.
24. Церковь. 1908. № 11.
25. Церковь. 1908. № 16.
26. Церковь. 1908. № 28.
27. Церковь. 1908. № 30.
28. Церковь. 1908. № 31.
29. Церковь. 1908. № 38.
30. Церковь. 1908. № 48.
31. Церковь. 1909. № 2.
32. Церковь. 1909. № 5.
33. Церковь. 1909. № 6.
34. Церковь. 1909. № 19.
35. Церковь. 1912. № 14.
36. Церковь. 1912. № 28.
37. Церковь. 1912. № 29.
38. Церковь. 1912. № 30.
39. Церковь. 1912. № 31.
40. Церковь. 1914. № 1.
41. Церковь. 1914. № 12.
42. Церковь. 1914. № 35.
43. Церковь. 1914. № 38.

ВТОРЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. И. МАЛИНИНА

15 ноября 2016 г.

Программа

12.00. Открытие

Майя Александровна Добычина, начальник управления по делам архивов Калужской области, к. и. н.

12.15. Вручение дипломов победителям IV Всероссийского конкурса «Юный архивист»

12.30. Презентация книги «Топографическое описание Калужского наместничества»

13.15. «Археологическая деятельность Калужской учёной архивной комиссии»

Олег Леонидович Прошкин, научный сотрудник Института археологии РАН, к. и. н.

Выставка журналов «Известия Калужской учёной архивной комиссии» и документов из фондов Государственного архива Калужской области

Вторые чтения памяти Д. И. Малинина. 15 ноября 2016 г.

С докладом выступает О. А. Прошкин

Н. В. Зиновкина представляет
книгу «Топографическое описание
Калужского наместничества»

Выступает А. П. Бессуднова, заведующая архивным отделом
Малоярославецкого района

Археологическая деятельность Калужской учёной архивной комиссии

О. Л. Прошкин

Первые шаги в деле археологического изучения Калужской губернии были сделаны ещё в последней четверти XVIII столетия. В 1781 г. академик *В. Ф. Зуев* составил первые научные описания двух городищ близ Калуги — в с. Ждамирово и в устье р. Калужка (рис. 1). И только через столетие на территории губернии начинаются первые научные археологические исследования, продолжающиеся с некоторыми перерывами до настоящего времени.

Основную работу по изучению археологических памятников в губернии проводила Калужская учёная архивная комиссия (КУАК), организованная 28 января 1891 г. На заседании КУАК 30 марта 1891 г. было объявлено,

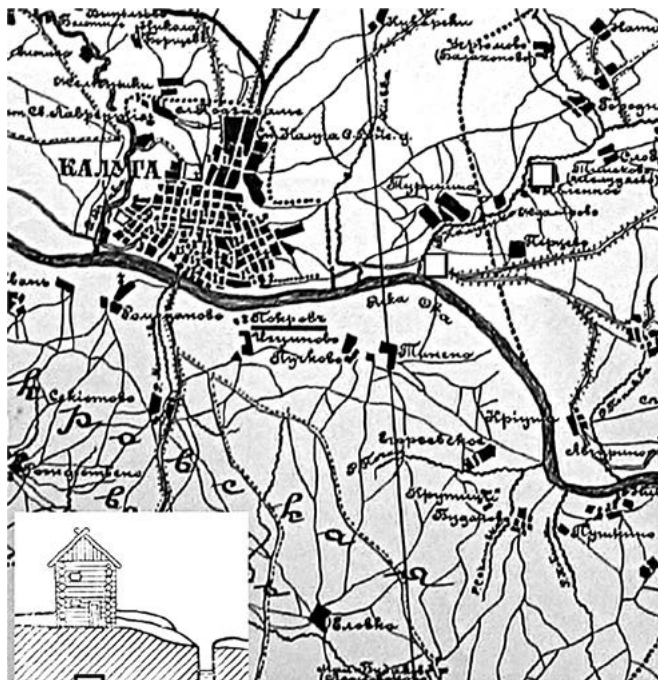

Рис. 1. Городище в Ждамирово и в устье р. Калужки

Рис. 4. Городище в с. Ждамирово. Фото 2009 г.

На городище в устье р. Калужки, считавшимся тогда по преданию одним из первоначальных мест Калуги, в 1892 г. И. Д. Четыркин провёл небольшие раскопки. В результате были обнаружены следы пожарища, кости животных и фрагменты глиняных сосудов. В 1894 г. он «произвёл раскопку» на городище раннего железного века у с. Городня близ Калуги, где были найдены «большое количество битой глиняной посуды», кости

Рис. 5. Городище в г. Лихвине. Фото 1995 г.

Рис. 6. Н. И. Булычёв

животных и «грубые костяные поделки». Кроме того, им были обследованы поселение в устье р. Калужки (Турдво-рики), «Симеоново» городище в Калуге, городища в с. Калужке (Ждамирово) и в г. Лихвине (рис. 4, 5).

В с. Кременском Медынского уезда совместно с членом КУАК В. В. Арсеньевым составили подробное описание городища — места летописного Кременца.

При этом исследователь попутно занимался сбором исторических, этнографических и других сведений. К сожалению, о работах И. Д. Четыркина имеются лишь очень краткие сведения в отчётах КУАК в Императорскую ар-

хеологическую комиссию и небольших заметках «Известий Калужской учёной архивной комиссии», а также небольшая коллекция находок в фондах Калужского краеведческого музея.

Широкие археологические исследования с 1880-х гг. и до начала XX столетия проводил *Н. И. Булычёв* по течениям р. Оки, Угры, Рессы, Серены, Снопоти и др. (рис. 6).

Основным объектом его изучения были курганные могильники. Раскопав 409 курганов с 454 погребениями, большая часть которых относилась к древнерусскому времени, он собрал значительный по объёму и научной значимости материал, ярко освещающий быт и культуру сельского населения верхней Оки и верхнего Подесенья (рис. 7). Кроме того, им было обследовано и несколько городищ, а на некоторых проведены раскопки. На городищах Серенск, Спас-Перекаша и Мощины, наряду с находками мощинской культуры III—VII вв. были найдены многочисленные предметы быта, вооружения, украшения XI—XIII вв.

На Мощинском городище был найден знаменитый «Мощинский» клад металлических и стеклянных украшений, в том числе с эмалью, хранящийся в настоящее время в ГИМе (рис. 8). В заболоченной пойме левого берега р. Жиздры им изучался интереснейший памятник археологии — многослойное болотное городище у с. Мужитино. Нижний горизонт культурного слоя содержал находки периода раннего железного века,

Рис. 8. Предметы из состава Мошинского клада

а верхний горизонт культурного слоя — находки периода Древней Руси. Его изданные альбомы-отчёты являются примером добросовестного научного исследования своего времени и «настоящими» книгами современных археологов, занимающихся древней историей Восточной Европы.

В те же годы археологические исследования в губернии проводились и другими членами КУАК. Например, в 1891 г. три древнерусских кургана были раскопаны учителем *С.А. Комаровым* у с. Оболенское

Рис. 9. Городище «Дуна» близ г. Лихвина. Фото конца XIX в.

Тарусского уезда на р. Протве, в которых находились остатки древнерусских захоронений по обряду ингумации с погребальным инвентарём (бусы, кольца, перстень).

В 1903 г. С. Д. Соколовым и С. С. Ждановым проводились раскопки курганов периода Древней Руси в с. Коханы. К сожалению, переданные в КУАК журнал раскопок, таблицы с фотографиями и планшеты с находками не сохранились.

Другим членом комиссии, Н. В. Тепловым, проводились работы по поручению Московского археологического общества. В частности, в 1897 г. он провёл небольшие раскопки на городище «Дуна» близ г. Лихвина на р. Оке (рис. 9). Материалы его небольших работ позволили сделать заключение о многослойном характере поселения — от периода раннего железного века до Древней Руси.

В 1898—1899 гг. раскопки этого памятника продолжила Ю. Г. Гендуне. Культурный слой городища содержал находки, датирующиеся от второй половины I тысячелетия до н.э. до древнерусского времени. В 1900 и 1903 гг. Ю. Г. Гендуне проводила раскопки городищ периодов раннего железного века и Древней Руси у с. Городище в Тарусском уезде и Акиньшинского в Лихвинском.

Рис. 10. Городище 1 у д. Троицкое Ферзиковского района
(место летописного Любутска). Фото 1996 г.

Н.Д. Самосатский в 1891 г. обследовал городища у с. Любутское на р. Оке (ныне городища 1 и 2 у с. Троицкое Ферзиковского района Калужской области) и записал легенды и предания, с ними связанные. Результатом работ явилась локализация здесь летописного города Любутска, впервые упоминающегося в письменных источниках во второй половине XIV в. (рис. 10).

Кроме того, сбором древностей в губернии занимались и другие члены КУАК — П. А. Трейтер, С. А. Никитин, Д. И. Литвинов и др., принося их в дар комиссии.

В результате археологической деятельности КУАК в начале XX столетия был собран большой фактический материал по древним поселениям и погребальным памятникам в губернии. Интерес к памятникам старины заметно активизировался. Большинство исследователей собирали сведения о городищах, селищах и курганах с целью составления археологических карт, способствуя тем самым более глубокому изучению местной истории.

Материалы, полученные в результате археологических исследований, проводившихся членами КУАК, послужили основой создания археологической коллекции будущего музея. Исторический музей при КУАК был открыт в 1897 г. и состоял из пяти витрин, одна из которых содержала археологические находки. Следует также отметить тот факт, что часть находок была передана в Исторический музей в Москву, а некоторые дополнили фонды Эрмитажа.

Вклад КУАК в изучение древнейшего прошлого губернии был достаточно велик. Материалы, полученные в результате археологических исследований, легли в основу изучения древней истории не только Калужской губернии, но и центральной части лесной зоны Восточной Европы (Верхнее Поочье и Верхнее Подесенье).

Следует остановиться несколько подробнее на некоторых наиболее важных археологических исследованиях и открытиях, сделанных членами КУАК, положивших начало глубокому научному изучению ряда археологических памятников и культур Восточной Европы во второй половине XX столетия и в настоящее время.

Достаточно значимы в научном отношении исследования Н. И. Булычёва, во-первых, как первооткрывателя древностей III—VII вв. на верхней Оке, во-вторых, как первого исследователя Серенского городища. В то же время Н. И. Булычёв и И. Д. Четыркин, независимо друг от друга, стали первооткрывателями достаточно уникальной в археологическом отношении группы курганных погребений, отнесённых современными исследователями к иноэтничным.

В 1888 г. Н. И. Булычёв проводил раскопки на городище у с. Мощины Мосальского уезда. В процессе раскопок был найден так называемый «мощинский» клад украшений, выполненных из цветных металлов, серебра и стекла — один из крупнейших кладов раннего Средневековья в Восточной Европе. Включает различные категории украшений и деталей костюма: привески-лунницы, различные фибулы, браслеты, цепедержатели, бусы и другие предметы. Особенностью клада является присутствие в нём большого числа изделий с выемчатыми эмалями, характерных для широкого круга восточноевропейских древностей римского времени и эпохи Великого переселения народов (рис. 8).

Мощинское городище дало название археологической культуре — мощинской — и является наиболее исследованным памятником этой культуры. Практически полностью городище было раскопано Среднерусской экспедицией ИА АН СССР под руководством И. К. Фролова в 1974—1980 гг.

Исследования на Мощинском городище и на других памятниках этого периода (Е. А. Шмидт, Т. Н. Никольская, И. К. Фролов, А. М. Воронцов и др.) позволили выделить круг артефактов, характеризующих мощинскую археологическую культуру середины III — середины VII вв. и очертить её территорию — бассейн верхнего течения р. Оки, до устья р. Протвы на левобережье и до устья р. Осётр на правобережье. Часть

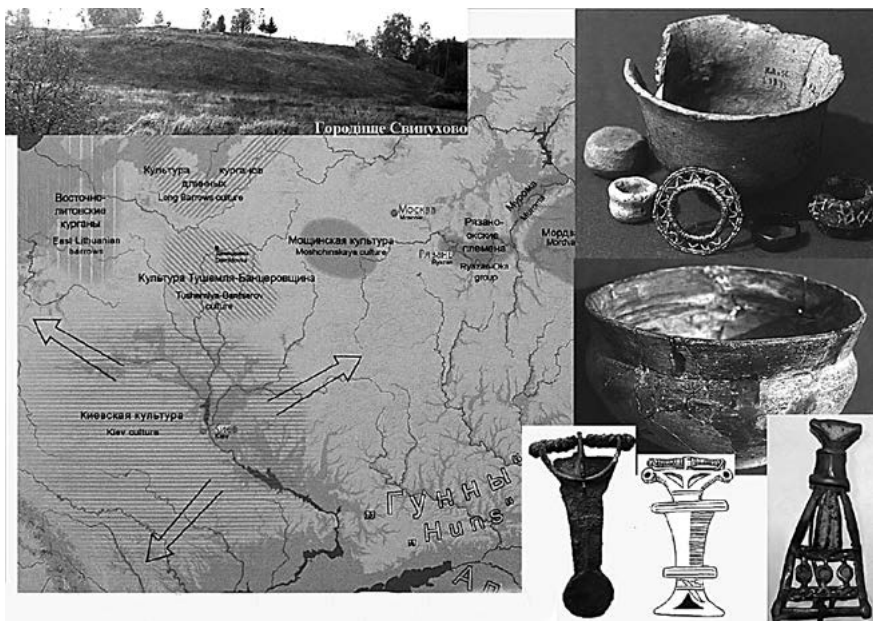

Рис. 11. Мощинские древности на Верхней Оке. Карта основной территории мощинской культуры (по «Эпоха Меровингов — Европа без границ», 2007)

памятников занимает бассейн верхнего Днепра и левые притоки Десны, также в её верхнем течении. Один памятник известен в верховьях р. Вазузы в верхневолжском бассейне (рис. 11).

К настоящему времени известно большое число поселений этой культуры, но достаточно мало могильников. Несмотря на длительную историю её изучения, многие вопросы остаются открытыми: происхождение и этнический состав населения, отсутствие чётко обоснованной хронологии и др.

Наиболее хорошо изучена Окско-Донская группа памятников в Тульской области (А. М. Воронцов).

В 1898 г. Н. И. Булычёв исследовал Серенское городище. Была получена коллекция самых разнообразных по своему функциональному назначению предметов: различные украшения (привески, бляшки, браслеты и др.), предметы быта (замки, ключи, кресала и др.), предметы вооружения и конского снаряжения (наконечники стрел, шпора, кистень).

Рис. 12. Городище в д. Серенск — место летописного города Серенска. Фото 1980-х гг.

Городище находится в д. Серенск Мещовского района, на правом берегу р. Серёна. Это городище сложного типа. Включает детинец (2500 кв. м.) и окольный город (ок. 4 га). К городищу примыкают селища-посады (более 25 га) (рис. 12). Вокруг городища также находились пригородные сёла и слободы. На городище сохранились остатки мощных оборонительных сооружений в виде высоких земляных валов и глубоких рвов (рис. 13).

Исследования на городище были продолжены Верхнеокской экспедицией ИА АН СССР под руководством Т. Н. Никольской с 1965 по 1984 г., а в 1986–1988 гг. — Т. М. Хохловой. Исследования были продолжены в 1997–1999 гг. (Т. М. Хохлова, О. Л. Прошкин), а также в 2011 г. (Т. М. Хохлова) на селищах-посадах и пригородных селах-слободах (рис. 14). Археологические разведки 1997–1998 гг., проведённые на территориях, прилегающих к городищу, показали, что уже со времени основания город был окружён сетью открытых поселений (селищ). Жизнь на них продолжалась до позднего Средневековья. Высокая археологическая изученность памятника позволяет получить большую научную информацию о функционировании этого крупного древнерусского поселения.

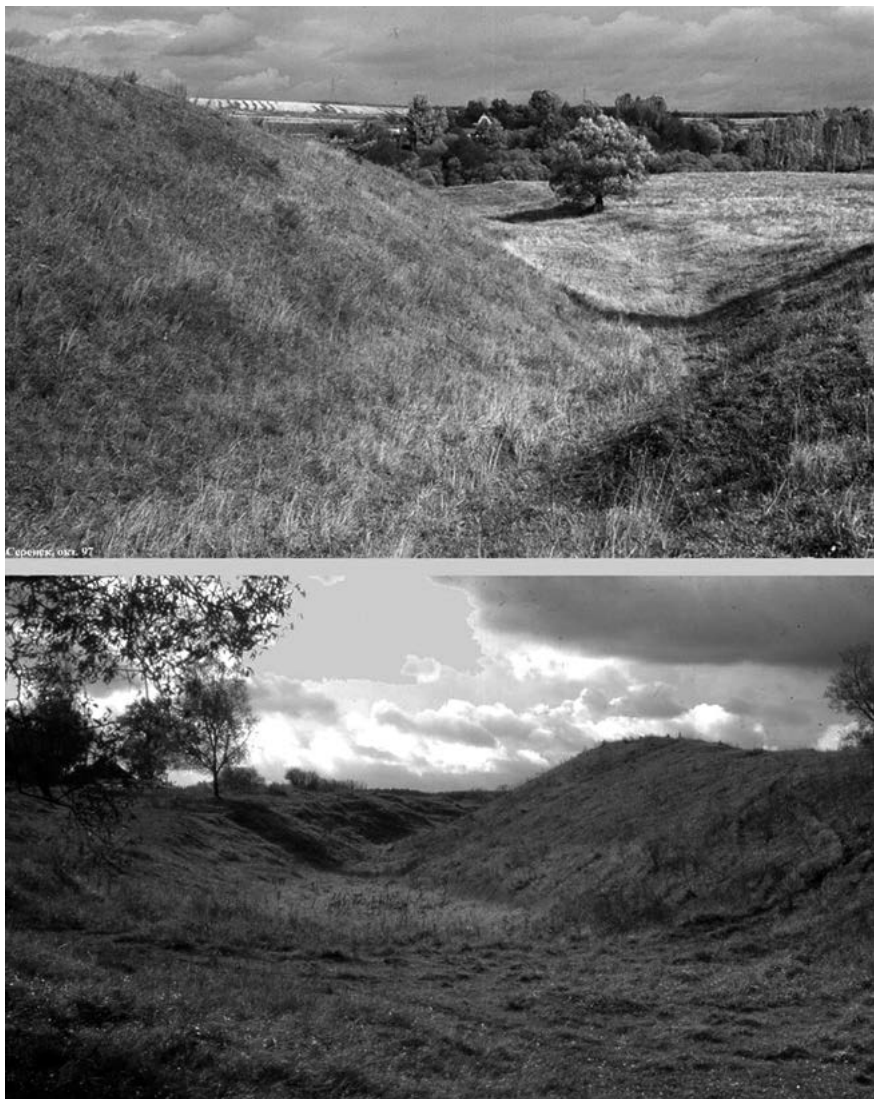

Рис. 13. Городище в д. Серенск. Остатки оборонительных сооружений

Установлено, что преобладающей застройкой детинца Серенска в древнерусский период была усадебно-дворовая. На городище обнаружены следы широкого ремесленного производства. Именно Серенск выделяется

Рис. 14. Археологические исследования Серенска разных лет

на всей верхней Оке значительным числом находок, а также их разнообразием. Там занимались обработкой железа, изготовлением ювелирных изделий из цветных металлов, возможно, что и из стекла (браслеты). Достаточно ярко выражена сельскохозяйственная и промысловая деятельность населения (каменные жернова, железные косы-горбуши, серпы, удила, топоры, пешни и т.п.). О торговле свидетельствуют многочисленные находки привозных вещей (янтарные крестики, кресты-энколпионы и т.п.). Большое значение имеет и находка костяной печати. Кроме того, именно на этом поселении найдено самое большое число разнообразных предметов вооружения, снаряжения всадника и коня (рис. 15).

Серенское городище и примыкающие к нему селища-посады являются остатками одноимённого летописного пункта, впервые упоминающегося в летописи под 1208 г., где он назван «городом» [ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переслава Суздальского. С. 127]. Затем в качестве «града» упомянут под 1231/32 г. [ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод. С. 125]. Сохранял городской статус и позже — в конце XIV в.

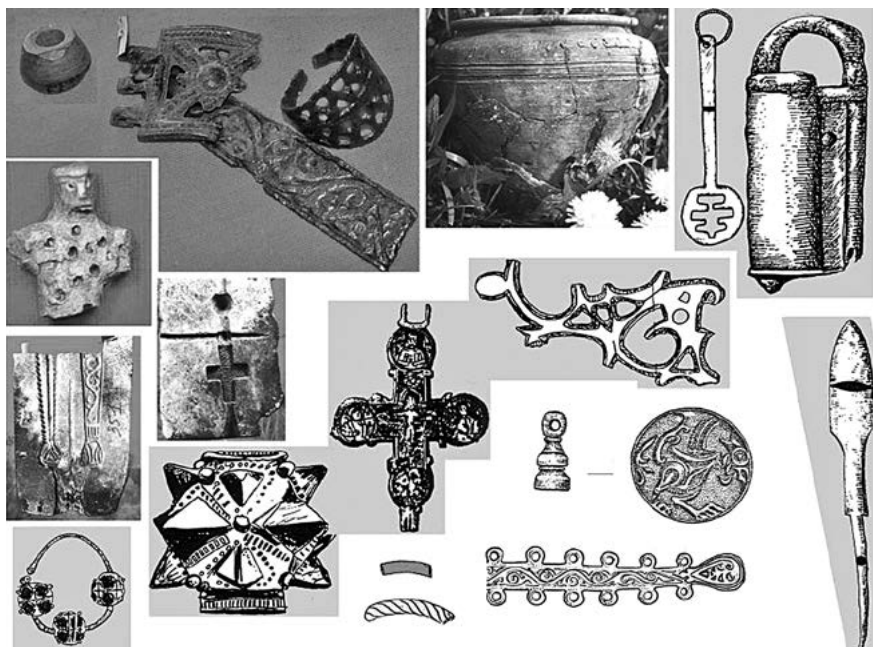

Рис. 15. Городище в д. Серенск. Предметы материальной культуры древнерусского периода

указан в «Списке русских городов дальних и ближних» (в числе литовских) [Тихомиров М. Н., 1952. С. 224].

В конце XIX — начале XX в. Н. И. Булычёвым и И. Д. Четыркиным были раскопаны курганы, содержавшие остатки погребального обряда, не характерного для местного населения, как в период Древней Руси, так и в более позднее время (рис. 16). В их числе:

- 1) мужское трупоположение с оружием, сопровождавшееся захоронением коня (Трашковици);
- 2) мужское трупоположение с оружием (Трашковици);
- 3) захоронение коня (Васильевское — Паршино);
- 4) захоронение коня вместе с трупосожжением (человек, животное?) (Губино — Меренищи, Выгорь);
- 5) мужское трупоположение с жертвенным захоронением птицы (Губино — Меренищи);
- 6) мужское погребение под каменной прямоугольной насыпью (Леоново).

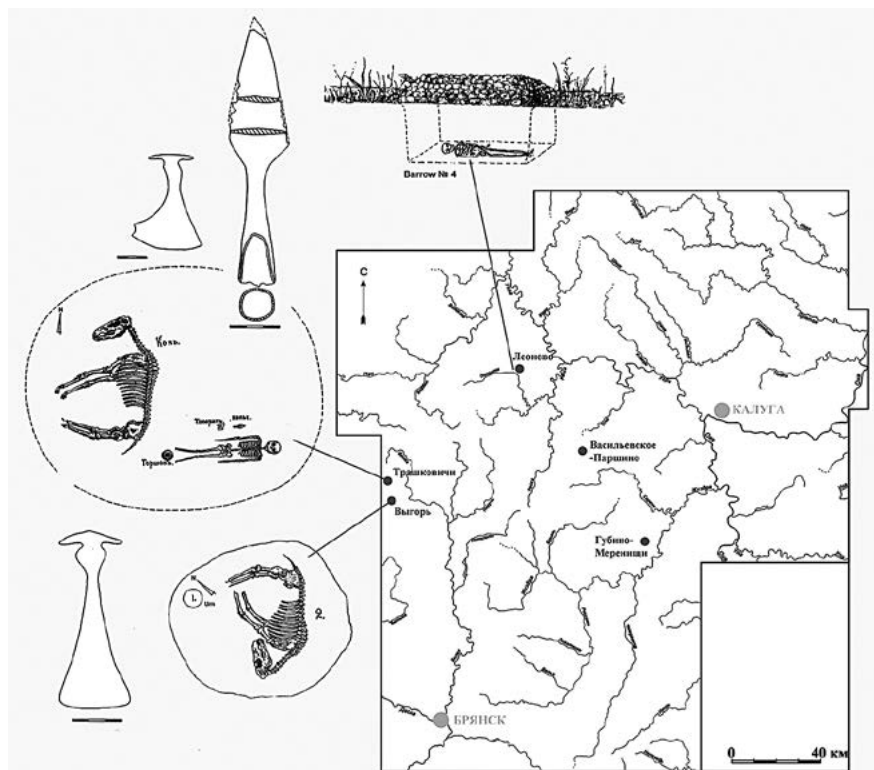

Рис. 16. Иноэтнические погребения
из раскопок Н. И. Булычёва и И. Д. Четыркина

Обряд погребения с оружием и конём, а также с жертвенными животными из этих курганов находит наибольшее число аналогий на территории Северо-Восточной Европы и связан с культом этих животных, уходящим своими корнями в глубокую древность и сохранившимся там до позднего Средневековья. Яркий пример — сожжение литовского князя Ольгерда со своими конями в 1377 г.

Особо следует выделить полиэтничный курганный могильник Леоново в бассейне р. Угры. В курганах находились погребения с различной ориентировкой (головой на восток, запад, юго-запад) и с набором украшений, характерных для вятичей (семилопастные височные кольца) и населения Северо-Западной и Юго-Западной Руси (ромбоцитковые и бусинные височные кольца). В одной из насыпей, имевшей прямоугольную форму

и сложенную из камней, находилось безынвентарное мужское погребение, ориентированное головой на запад. Аналогичные погребальные сооружения характерны, в частности, для верхнего Понеманья, где они датируются по находкам в них литовских и польских монет XIII—XVI вв.

Анализ погребального обряда этих курганов позволил современным исследователям (В. И. Кулаков, О. Л. Прошкин) предположить, что они оставлены выходцами из Северо-Восточной Европы — литовцами, ятвягами и т.п. и могут датироваться в широких хронологических рамках — XII—XV вв.

И наконец, ещё одно из важнейших направлений в археологии Калужской области, получившее основное развитие с 1950-х гг., также имело своё начало в исследованиях КУАК — изучение славянских памятников.

Самым первым археологически исследованным поселением в губернии, содержащим находки славянского периода, было городище в урочище «Дуна» близ Лихвина. Материалы раскопок Н. В. Теплова и Ю. Г. Гендуне включали многочисленные находки IX—X вв. Большое значение для датировки славянского слоя городища имела находка аббасидского дирхема чекана 758/59 г. в г. Каффа (рис. 17).

Рис. 17. Городище «Дуна». Отдельные находки из раскопок Н. В. Теплова. Фото 1995 г.

Тогда же, на рубеже XIX–XX столетий, под руководством Н. И. Булычёва, а затем Ю. Г. Гендуне проводились раскопки курганного могильника у с. Доброе (Лихвинский уезд), где были обнаружены славянские погребения конца I тысячелетия н.э.

С 1950-х гг. в связи с увеличением объёма археологических исследований в Калужской области в поле зрения исследователей стали попадать и памятники славянского периода. В их числе: городище и курганный

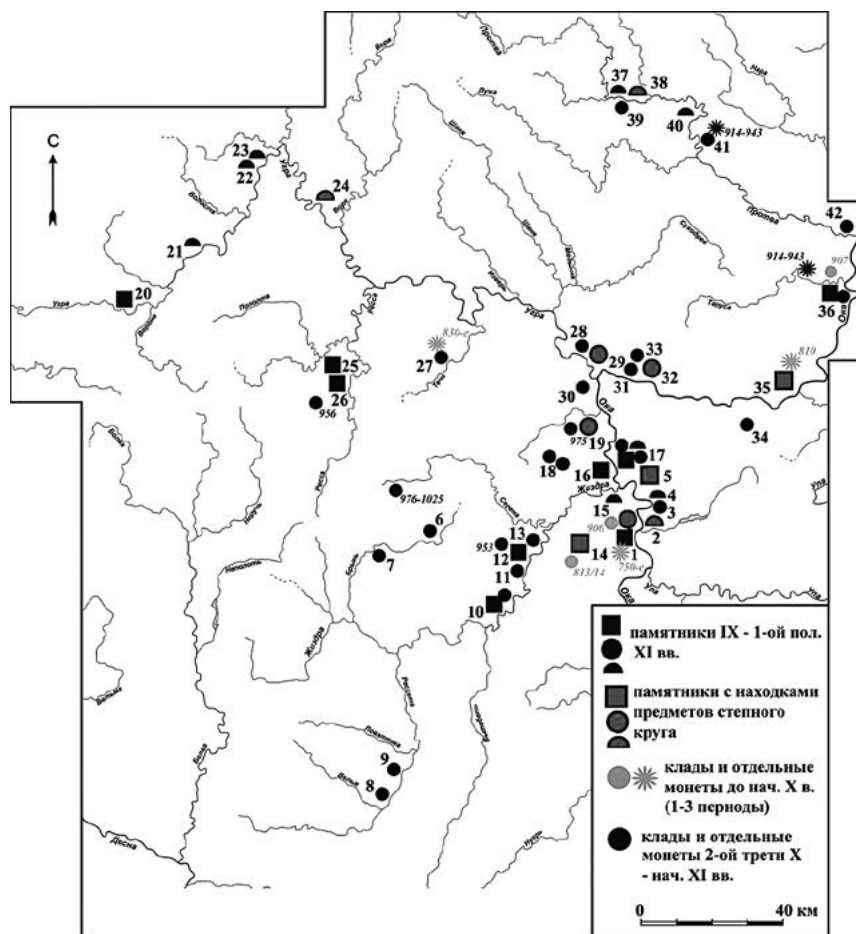

Рис. 18. Археологические памятники славянского периода в северо-западной части Верхнеокского бассейна

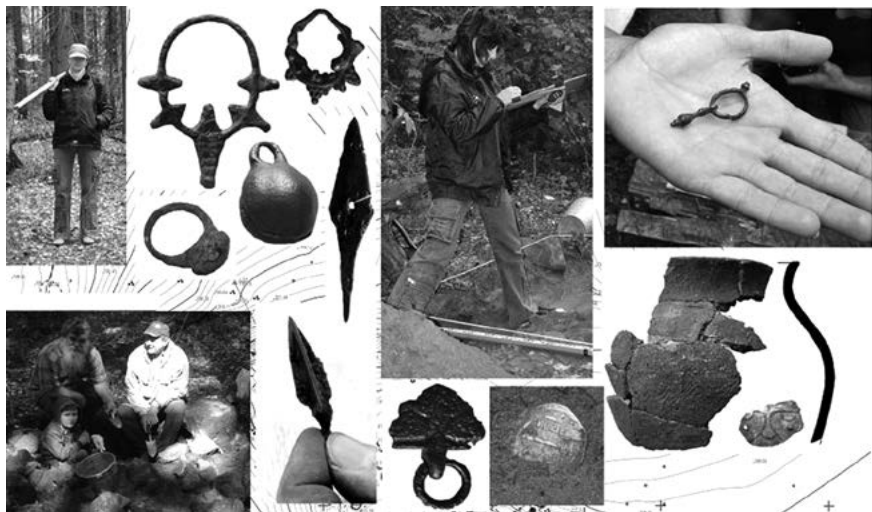

Рис. 19. «Чёртово Городище», раскопки разных лет. Предметы материальной культуры славянского периода

Рис. 20. Раскопки кургана у д. Рыжково Боровского района. Остатки погребальных сооружений — домовин и отдельные находки славянского периода

могильник Вороново близ Перемышля, селище Беницы и др. Значительная по объёму и научной значимости информация о славянских памятниках Калужского края была получена в процессе работы над основным сводом памятников археологии в 1970—1990-х гг.

На имеющихся в настоящее время материалах можно говорить о двух основных периодах освоения территории Верхнего Поочья (в том числе и Калужского края) славянским населением. К раннему периоду (IX — середина X вв.) относятся памятники с предметами степного, кочевнического круга, характерными для салтово-маяцкой культуры (рис. 18).

Ярким примером такого памятника служит городище «Чёртово Городище» в Козельском районе, основные исследования на котором проводились с конца 1990-х гг. Получена большая коллекция различных находок IX — 1-й половины X в. (рис. 19). Единственное предположение о том, что представляло собой «Чёртово Городище» в IX в., на настоящем, промежуточном, уровне его изучения, а также изучения его ближайшей округи заключается в определении его в качестве культового места, а возможно, и убежища. Аналогий подобному поселению этого периода на верхней Оке пока неизвестно.

К позднему периоду (2-я половина X — 1-я половина XI в.) могут относиться памятники, на которых отсутствуют вещи салтово-маяцкого круга (лишь редкие экземпляры!), а наряду с лепной роменской керамикой присутствует раннекруговая керамика (рис. 18).

Ярким примером может служить курганный могильник Рыжково в Боровском районе, где проводились раскопки в 2005—2007 гг. (рис. 20). Наибольший интерес представляет погребальный обряд этого могильника, включавший погребальные сооружения — домовины. Деревянные погребальные сооружения, схожие по своей конструкции, форме, размерам и расположению с открытыми в Рыжково, известны в ряде пунктов Восточной Европы и датируются концом I тысячелетия н.э. Содержат остатки кремации умерших, в том числе погребальный инвентарь.

Литература

1. Археологическая карта России. Калужская область. М., 2006.
2. Булычёв Н. И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.
3. Булычёв Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
4. Булычёв Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903.
5. Булычёв Н. И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913.

6. Гендуне Ю. Г. Опись предметов, найденных Ю. Г. Гендуне при раскопках в с. Городище, Калужской губ., Тарусского у. в 1900 г. // ИКУАК. Вып. 1902 года. Калуга, 1902.
7. Гендуне Ю. Г. Городище Дуна Лихвинского уезда, Калужской губернии. СПб., 1903.
8. Зуев В. Путешественные записки В. Зуева от С.-Петербурга до Херсонеса в 1781 и 1782 гг. СПб., 1787.
9. Добычина М. А., Иванов В. А. Представительная власть Калужского региона. История и современность в лицах. Калуга, 2013.
10. Кашикар В. М. Город Перемышль // ИКУАК. Т. 1. Вып. 1. Калуга, 1898.
11. Кашикар В. М. Село Любутское // ИКУАК. Вып. 5—6. Калуга, 1898.
12. Кашикар В. Село Городище Тарусского уезда // ИКУАК. Вып. 7—8. Калуга, 1898.
13. Комаров С. Археологические изыскания в Тарусском уезде // Калужские Губернские Ведомости. № 52. 1890.
14. Протокол заседания Калужской Учёной Архивной Комиссии. 12 октября 1891 года // ИКУАК. № 2. Калуга, 1891.
15. Протокол заседания Калужской Учёной Архивной Комиссии. 6 февраля 1892 г. // ИКУАК. № 2. Калуга, 1891.
16. Прошкин О. Л. Калужские курганы в раскопках И. Д. Четыркина // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Боровск, 1988.
17. Прошкин О. Л. Археологическая деятельность Калужской Учёной Архивной Комиссии. (К 100-летию образования) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга, 1991.
18. Самосатский Н. Историко-археологические материалы о бывшем городе Любутске // ИКУАК. № 2. Калуга, 1891.
19. Теплов Н. В. Городище «Дуна» близ г. Лихвина Калужской губернии // ИКУАК. Вып. 1. Калуга, 1899.
20. Четыркин И. Д. Результат начальных археологических исследований по нижнему течению речки Калужки // ИКУАК. № 2. Калуга, 1892.
21. Четыркин И. Д. Отчёт товарища председателя Калужской Учёной Архивной Комиссии И. Д. Четыркина о произведённых им историко-археологических исследованиях и раскопках вблизи «Старого Городища» в 6 верстах от г. Калуги, с разрешения Императорской Археологической Комиссии // ИКУАК. № 3. Калуга, 1894.
22. Четыркин И. Д. Отчёт в Императорскую Археологическую Комиссию товарища председателя Калужской Учёной Архивной Комиссии И. Д. Четыркина о произведённых им в 1894 г. археологических раскопках по нижнему течению речки Калужки // ИКУАК. № 4. Калуга, 1895.
23. Четыркин И. Д. Городища, на которых, по преданию, находилась в древности Калуга // ИКУАК. № 5. Калуга, 1897.
24. Четыркин И. Д. Отчёт о раскопках, произведённых И. Д. Четыркиным в 1895—1896 гг., читанный в заседании Архивной Комиссии 3 апреля 1897 г. // ИКУАК. № 5. Калуга, 1897.

25. *Четыркин И.Д.* Значение глиняных сосудов, найденных при раскопках курганообразных возвышений на берегу р. Оки, вблизи Калуги // ИКУАК. Вып. 2. Калуга, 1898.
26. *Четыркин И.Д.* Предметы, найденные на Серенском городище Калужской губ. Мещевского у. // ИКУАК. Вып. 9—10. Калуга, 1898.
27. *Четыркин И.Д.* Археологическая заметка // ИКУАК. Вып. 7—8. Калуга, 1898.
28. *Четыркин И.Д.* Дневник раскопок, произведённых в 1898 г. в уездах Козельском, Лихвинском и Калужском // ИКУАК. № 2. Калуга, 1899.
29. *Четыркин И.Д.* Пробные раскопки Лихвинского городища 14 и 15 июля 1899 года // ИКУАК. Вып. 2. Калуга, 1899.
30. *Четыркин И.Д.* Археологические находки на южной стороне древнего городища в г. Козельске // ИКУАК. Вып. 1900 г. Калуга, 1900.
31. *Четыркин И.Д.* Открытие в Козельском уезде Калужской губернии, близ деревни Стенино, остатков палеолитической эпохи // ИКУАК. Выпуск 1902 г. Калуга, 1903.

ТРЕТЬИ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. И. МАЛИНИНА

17 ноября 2017 г.

Программа

12.00. Открытие

Майя Александровна Добычина, начальник управления по делам архивов Калужской области, к. и. н.

12.10. Вручение дипломов победителям V Всероссийского конкурса «Юный архивист»

12.20. Дом купцов Торубаевых (дом Малинина) — проблемы реставрации

12.30. Бывшие помещики в СССР (1923–1930-е гг.)

Наталья Никитична Никитина, к. и. н., доцент кафедры истории Института истории и права КГУ им. К. Э. Циолковского

Выставка документов из фондов Государственного архива Калужской области

Третьи чтения памяти Д. И. Малинина. 17 ноября 2017 г.

В. И. Осипов вручает грамоту
заместителю директора Госархива
Калужской области Н. В. Зиновкиной

О ходе реставрации дома купцов
Торубаевых (дом Малинина) рассказывает
архитектор Ю. Н. Шиленков

Вручение дипломов победителям конкурса «Юный архивист»

Политика советской власти в отношении бывших помещиков в 1917–1927 гг.

(по материалам Калужской и Тульской губерний)

Н. Н. Никитина

В обыденном сознании советского человека на долгие годы утвердился вывод о том, что ликвидация помещичьего землевладения привела к исчезновению фигуры помещика из жизни российской деревни. Но исторические и социологические исследования конца XX — начала XXI в. показывают, что в составе категории «бывшие люди» помещики составляют значительную часть. Судьбы многих представителей известных дворянских родов России окажутся связанными с эмиграцией, жизнью на чужбине. Вместе с тем, по разным оценкам, после октябрьских событий 1917 г. в стране осталось от 500 до 600 тысяч лиц с дворянскими корнями. В течение целого десятилетия жизнь многих из них будет связана с сельскими усадьбами, в которых они проживали до революции 1917 г. или в которые вернулись после установления советской власти на местах.

Основные усилия советской власти осенью 1917 — весной 1918 г. были направлены на реализацию основных положений Декрета о земле, касавшихся помещичьего землевладения. В процессе претворения их в жизнь волостными земельными комитетами и уездными Советами производилась постановка на учёт и конфискация помещичьих имений вместе с имевшимися в них постройками, скотом, инвентарём.

В «Основном законе о социализации земли» также последовательно проводилась идея конфискации нетрудовых частновладельческих хозяйств и национализация всей земли, определялись порядок и нормы землепользования. В феврале 1918 г. Наркомзем РСФСР опубликовал «Временную инструкцию переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли». Она использовалась в качестве руководства при проведении весной 1918 г. передела конфискованных у помещиков земель. Во «Временной инструкции» перед земельными отделами местных Советов ставилась задача «немедленно выселить ... всех бывших помещиков, доверенных и нетрудовых арендаторов имений и взять последние в своё ведение»¹.

¹Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Вып. 1. М., 1918. С. 491.

Губернские советы, их земельные органы в соответствии с местными условиями разрабатывали детальные инструкции о порядке конфискации помещичьих имений, организации их охраны, сборе расхищенного имущества. По подсчётам историка П. Н. Першина, с ноября 1917 по январь 1918 г. в центральных губерниях было конфисковано свыше $\frac{3}{4}$ помещичьих имений¹.

По утверждению И. Я. Трифонова, «на деле в имениях осталась незначительная часть бывших помещиков, причём это были главным образом выходцы из крестьян, представители интеллигенции, лица, в прошлом участвовавшие в выступлениях против самодержавия и т.п. В их распоряжении находилось небольшое количество земли»².

Н. И. Немаков пришёл к выводу, что в результате проведённых мероприятий «значительная часть бывших помещиков, главным образом мелких, получила землю по трудовому наделу для ведения хозяйства без применения наёмной силы»³.

Большая часть владельцев имений продолжала до весны 1918 г. проживать в своих жилых домах, получив землю по трудовой или потребительской норме. С введением продовольственной диктатуры и созданием комбедов происходят резкие изменения в их жизни: начинается активное выселение из усадеб бывших владельцев, по отношению к ним широко применялись конфискация личного имущества, наложение контрибуции, аресты, расстрелы.

Переход к новой экономической политике многие из тех, кто уцелел в пожаре гражданской войны, преждевременно восприняли как избавление от дальнейших мучений.

Определённую активность при решении проблемы землеустройства начали проявлять и бывшие помещики, часть из которых продолжала проживать в своих имениях. Иногда им удавалось вернуть себе часть конфискованных земель. Вместе с тем допускались случаи самовольного выселения бывших помещиков из имений, пользовавшихся землёй в соответствии с нормами Земельного кодекса о трудовом землепользовании и не применявшими наёмного труда.

¹Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 2. М., 1966. С. 183.

²Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Изд-во полит. литер., 1975. С. 83–84.

³Немаков Н. И. К вопросу о землепользовании бывших помещиков в первое десятилетие Советской власти // Вестник Московского университета. Серия 9. История, 1961. № 2. С. 21.

Для выяснения вопроса о причинах начавшегося в 1925 г. выселения бывших помещиков из их имений необходимо обратиться к характеристике политической ситуации в деревне в начале 20-х гг.

Отчёты Калужского и Тульского РКП(б) и результаты волостных обследований отмечали слабость партийного влияния в деревне и «чрезвычайную слабость деревенских ячеек».

Отношение крестьянства к советской власти зачастую выражалось формулой: «Советская власть хороша, никакой другой власти нам не надо, да вот налоги только тяжелы». Кроме налогов, установленных правительством, часто практиковалось обложение в порядке «местной инициативы» на содержание сельсовета, школы, больницы, волисполкома.

По мнению официальных властей, деревней управлял сельский сход, а не сельский совет¹.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. взаимоотношения с партией и Советами складывались сложно, зачастую нежелательно для руководящих органов. Их нельзя охарактеризовать только как отношения безоговорочного подчинения крестьянства партийным решениям или полного неприятия. С переходом к новой экономической политике возросло стремление крестьянства к хозяйственной и политической самостоятельности. Ответной реакцией на желание крестьянства выступать в качестве самостоятельной общественной силы явилась активизация работы партии по усилению влияния на крестьянство, особенно с 1924 г. Все предпринимаемые с этой целью усилия не привели к желаемым результатам, что послужило одной из основных причин перехода к административно-командным методам управления. Именно неудачные попытки изменить ситуацию во взаимоотношениях с деревней в наиболее выгодную для себя сторону заставили советскую власть перейти со второй половины 1920-х гг. сначала к методам изоляции представителей классов и слоёв, оказывающих политическое влияние на крестьянство (меры по ограничению кулачества, выселение бывших помещиков), а затем к открытому насилию над крестьянством в годы сплошной коллективизации и раскулачивания.

Помещик, пусть и бывший, — это фигура, которая была символом старого мира, она должна была исчезнуть вместе с этим старым миром, именно поэтому первый удар был направлен на неё. Сила и направление главного удара были обусловлены, таким образом, как экономическими, так и политическими (и в большой степени — ими) факторами.

¹ Решиков И. Калужская деревня в 1923 году. Калуга, 1925. С. 14.

В декрете о земле были провозглашены отмена помещичьей собственности на землю и другие средства производства, безвозмездная конфискация помещичьего землевладения и национализация всех земель в стране.

После окончания Гражданской войны в ряде мест часть помещиков вселилась в свои усадьбы и возобновила ведение хозяйства, многим удавалось вернуть часть конфискованных земель. В связи с этим Президиум ВЦИК издал 15 ноября 1922 г. постановление, в котором отклонил все их притязания на отобранные имения и подтвердил декреты советской власти об отмене помещичьей собственности.

В октябре 1923 г. Наркомземом РСФСР была начата проверка прав на землепользование бывших помещиков, в результате которой во многих губерниях выявлены помещики, продолжающие проживать в своих имениях, и случаи использования ими наёмного труда путём найма батраков, сдачи земли в аренду.

В 1924 г. ЦКК РКП(б) — Наркомат РКИ СССР внесли в ЦК партии предложение об изменении отдельных положений «Земельного кодекса» и поставили вопрос о выселении помещиков из имений.

В мае 1924 г. Наркомзем РСФСР обязал губернские земельные управления представить сведения о хозяйствах бывших помещиков и их владельцах. Секретные циркуляры губземуправлений уездным и районным земельным комиссиям предписывали выяснять социальное положение этих «нетрудовых элементов прошлого и настоящего времени», количество земли, принадлежавшее им на праве частной собственности или бывшее в арендном содержании, занимаемая в прежнее время должность или занятие и отношение к советской власти и к окружающему населению. Надлежало также установить, какие имеются постройки в распоряжении указанных лиц, по чьему распоряжению они в них проживают, как ведут хозяйства — личным ли трудом или с применением наёмной силы, состав семьи, местонахождение всех её членов. Имеются ли в составе семьи красноармейцы; входят ли в состав данного земельного общества.

На местах эта работа по проверке прав на землепользование бывших помещиков зачастую воспринималась как сигнал к началу массового выселения обитателей «помещичьих гнёзд». В ряде губерний были созданы губернские комиссии по выселению бывших помещиков, работа которых проводилась негласно, ей старались «придать характер не массового выселения, а вполне законный путь, базируясь на законах советской власти»¹.

¹ ГАТО. Ф. 155. Оп. 6. Д. 3. Л. 5.

Характеристику этого этапа выселения позволяют дополнить факты, изложенные в докладной записке зам. председателя ОГПУ т. Менжинскому, начальником Тульского губотдела ОГПУ. В ней сообщалось, что для проведения подпольной агитации среди крестьянства рассылались «лучшие партийные товарищи», крестьяне по своей инициативе выносили постановления о ходатайстве перед судебно-земельными комиссиями о лишении землепользования данного помещика, таким образом, государственные учреждения оставались в стороне. При отсутствии возможности получения ходатайства, общества земорганы проводили через надёжных агрономов специальное обследование на предмет обнаружения хищнического землепользования, применения наёмного труда и невыполнения договоров. Обнаружение одного из этих фактов или ходатайство сельского общества служили основными мотивами к выселению¹.

Одновременно с проверкой прав на землепользование производились увольнения бывших помещиков, работавших в земельных органах советской власти. Эти события до настоящего времени не получили освещения в работах отечественных и зарубежных исследователей. Не опубликован также и секретный циркуляр Наркомзема заведующим губернскими и областными земельными управлениями № 122/с от 21 января 1924 г. В нём отмечалось, что, по сообщениям партийной и советской печати, в некоторых земельных органах на местах работают в качестве специалистов, иногда даже на ответственных должностях, бывшие помещики, «снискавшие в прошлом ненависть местного населения благодаря своему заядлому крепостничеству». Совершенно недопустимым признавалось оставление их на государственной службе в госучреждениях, особенно в земорганах, призванных обслуживать главным образом крестьянское население. В связи с этим всем заведующим ГЗУ и ОблЗУ в течение месяца предлагалось проверить состав служащих подведомственных им учреждений и немедленно удалить из них бывших помещиков. Выполнению данного постановления придавалось исключительно политическое значение «в смысле поддержания и укрепления авторитета земорганов в крестьянской массе».

Одновременно продолжается проверка Наркомземом прав бывших помещиков на землепользование. Для её проведения, по полученным с мест материалам, в Наркомземе была образована Тройка, которая работала под непосредственным руководством члена Коллегии НКЗ М. И. Лациса.

¹ГАТО. Ф. 155. Оп. 6. Д.3. Л. 2.

За период с 22 октября 1924 по 20 марта 1925 г. ею были взяты на учёт 6 113 семейств, из них фактически выселены 1196 семей¹. Деятельность Тройки служит завершением первого — подготовительного — этапа процесса выселения бывших помещиков (1924—20 марта 1925 г.). В ходе этого этапа были составлены списки бывших помещиков, часть их выселена из имений, работавшие в земорганах уволены. Работа проводилась в условиях секретности, ей старались придать видимость законности.

Вопрос о помещичьих имениях и политическом влиянии бывших помещиков на крестьян был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в декабре 1924 г. В принятом решении были одобрены меры, предпринятые в отношении бывших помещиков, предложено продолжить их выселение из имений и завершить его к 1 января 1926 г.² Фактически данное решение означало начало нового — основного этапа выселения бывших помещиков. Развитие партийной линии в отношении бывших помещиков нашло отражение в издании постановления ЦИК СНК СССР 20 марта 1925 г.

Издание 20 марта 1925 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» стало началом реализации в жизнь партийных директив и нового этапа выселения. Если в период подготовки работа эта проводилась завуалированно, путём инспирирования крестьянской инициативы, то теперь она приобретает характер открытой антипомещичьей кампании. В соответствии с этим постановлением подлежали выселению помещики из дворян и их семьи, а также бывшие крупные землевладельцы, в деятельности которых установлено наличие «кабального характера отношений с окрестным населением»³. Не подлежали выселению: бывшие земельные собственники трудового и полутрудового типа, земля которых приобретена при посредстве земельных банков (путём закабаления себя платежами за землю); лица, активно боровшиеся в рядах Красной армии, и их родственники, а также имеющие заслуги, отмеченные постановлениями ЦИК и СНК СССР и союзных республик. При выселении отбирались находившееся в пользовании помещиков национализированное хозяйственное имущество: постройки, сооружения,

¹ ГАТО. Ф. 155. Оп. 6. Д. 3. Л. 79.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 657. Л. 306.

³ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. М.: Госюриздат, 1954. С. 112.

сельскохозяйственный инвентарь, поступившие к ним по передаточным описям. В случае приобретения их впоследствии самими землепользователями они признавались собственностью последних и могли быть вывезены или проданы на месте. Отобранию не подлежали предметы домашнего обихода и питания, личные вещи, урожай произведённых выселяемыми посевов (им предоставлялось право уборки и реализации этого урожая).

СНК РСФСР была разработана инструкция «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений» (утверждена Президиумом ВЦИК от 22/VI-25 г.), которая определяла ход дел по выселению, порядок ликвидации имущественных отношений выселяемых лиц и порядок обжалования. Наркомземом был предложен план расселения выселяемых помещиков, согласно которому предполагалось использовать выделенный ещё в годы столыпинской реформы фонд для переселенцев в Сибири и Тюменском округе Уральской области. До революции эта земля не была предоставлена переселенцам в связи с недостаточной её подготовкой: необходимо было произвести раскорчёвку леса, устройство колодцев, строительство дорог. Советское руководство решило, что теперь эта земля вполне подойдёт для проживания бывших помещиков и их семей.

Кампанию по выселению предполагалось провести под видом планового переселения бывших помещиков с соблюдением всех требований, установленных для плановых переселенцев. Но бывшие помещики не хотели выселяться «добровольно». В результате того что в течение 1925 г. заявок на переселение от них не поступило, развитие событий пошло по другому сценарию, фарисейство сменилось открытым нажимом государства.

Для проведения на местах работы по выселению создавались особые межведомственные комиссии при СНК автономных республик, исполкомах краевых, областных (губернских), окружных и районных Советов. В их состав входили представители земельных органов, ОГПУ, прокуратуры. Задачами комиссий были постановка на учёт всех, ещё остававшихся в имениях и ранее избежавших регистрации, решение вопроса об их выселении в соответствии с постановлением от 20 марта 1925 г. или оставление на месте. Таким образом, решение судебных бывших помещиков и их семей вершилось в основном на местах.

Деятельность этих комиссий является фактически иллюстрацией того, какими способами и методами осуществляли большевики свою «диктатуру пролетариата» на нижних этажах социальной организации общества. Но именно отсюда, из крестьянской массы, проистекал тот поток общественной жизни, который большевики не могли повернуть

вспасть. Крестьяне зачастую смотрели на бывшего помещика как на человека грамотного, им непонятно было, почему сначала его пригласили на работу в земельные органы, а теперь увольняют и выселяют. Крестьяне полагались на свой личный опыт общения с бывшими помещиками, в зависимости от этого выносили решения об оставлении их на месте или выселении, выраженные в форме приговоров сельских обществ. Следует отметить, что прежних владельцев, проживавших в имениях до октября 1917 г., осталось весьма незначительное число. Теперь в имениях проживали в основном их родственники, дети, воспитанники, вдовы, конфликты с которыми в дореволюционное время не могли иметь место.

Большинство помещиков, признанных губисполкомами подлежащими выселению, посылали жалобы об оставлении их на месте в разные инстанции: в Прокуратуру Республики, в Наркомзем, в НК РКИ, во ВЦИК, лично М. И. Калинину. В связи с огромным потоком жалоб в феврале 1926 г. по решению Президиума ВЦИК была создана Комиссия Смидовича по рассмотрению поступающих сигналов о незаконном выселении на местах. Деятельность этой комиссии и её состав практически не изучены в нашей исторической науке.

При рассмотрении дел жалобщиков дворянское происхождение признавалось достаточным условием для выселения, независимо от экономического положения. В первую очередь для решения вопроса об отмене постановления о выселении учитывались характер ведения хозяйства, взаимоотношения с окружающим населением, наличие общественных приговоров, выражавших мнение сельских сходов, а также незначительный размер земельного владения до революции.

Кампания по выселению была официально завершена в основном к 1 мая 1927 г. Но на местах она продолжалась фактически до конца 1928 — начала 1929 г. (в частности, в Калужской губернии). Выселенные помещики зачастую оставались без средств к существованию, среди них было много больных, престарелых, но эти обстоятельства органами власти в расчёт не принимались. Имевшие родственников в городе переезжали к ним, оставшиеся проживали в амбарах и сараях, у соседей, в брошенных домах. Конфискованные у выселяемых постройки передавались под школы, клубы, ветпункты, избы-читальни.

Если оценивать итоги кампании по выселению бывших помещиков по статистическим результатам, то она не может быть охарактеризована как очередная победа советской власти. Активное участие крестьян, выразивших своё мнение в общественных приговорах и зачастую защищавших

бывших помещиков, объективная работа Комиссии Смидовича, общественное настроение деревни, не видевшей в бывших помещиках главного врага, во многом предопределили неудачу процесса выселения. Его результаты показали, что выселение было вызвано в первую очередь политическими, а не экономическими причинами.

Особенностью выселения на Калужской земле являлось оставление невыселенной, значительной части помещиков (к 1927 г. в Калужской губернии взяты на учёт 506 семей, подлежали выселению — 162, оставлены на месте — 344, в Тульской губернии из 371 семьи выселены — 233, оставлены — 138). Центральные власти оценивали выселение в Тульской губернии как образцовое. Всего по стране были взяты на учёт 10 756 семей, назначены к выселению — 4 113, оставлены на месте — 6 643¹. Кампания по выселению бывших помещиков в 20-е гг. XX в. стала жестоким прологом к репрессиям 30-х гг., которые коснулись большинства из ранее включённых в списки бывших помещиков семей.

Характер использования усадеб отражают данные таблицы, составленной автором в процессе изучения архивного материала по истории Калужской губернии.

Использование усадеб после революции 1917 г.

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Авчурино, Ферзиковский р-н/Калужский у.	М.Ф. и О.Н. Гончаровы	Национализирована. Дом отдыха и учёбы, где читали лекции деятели Калужской народной обсерватории
Ахлебенино (Охлябинино), Перемышльский р-н/Калужский у.	И.Я. Коншина	Приют сиротских детей, двухклассная церковная школа
Барятино (Ильинское), Тарусский р-н/Тарусский у.	С. Д. Горчаков (в 1918 г. сослан в Тобольскую губернию), А. Е. Горчакова (расстреляна в 1918 г.)	Имущество передано в Государственный музейный фонд. В главном доме школа

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 70. Д. 84. Л. 82–84.

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Бегичево, Дзержинский р-н/Медынский у.	Е.Н. Трубецкой	В 1918 г. Трубецкой актом передал усадьбу земельному отделу, была открыта одна из первых коммун в губернии. В 1919 г. создан совхоз
Белкино, Боровский р-н/Боровский у.	Б.П. Обнинский	Национализирована. Передана в ведение Первой опытной станции Наркомпроса. В 1920-х гг. начальная школа и детский сад
Березичи, Козельский р-н/Козельский у.	А.Д. Обо- ленский до 1918 г. (эми- грировал в Гер- манию)	Санаторий для партийных работников. Дом отдыха, госпиталь, детский дом. Главный дом сгорел в 1970 г. В 1912 г. основан стекольный завод, который действует до сих пор
Богимово (Торбеево), Ферзиковский р-н/ Тарусский у.	Е.Д. Былим-Ко- лосовский	Национализирована. С 1936 г. — психиатрическая больница
Бугры, г. Обнинск/ Боровский у.	И.И. Троянов- ский, после его дочь А. И. Троя- новская	Дача Кончаловского с 1932 г.
Бурнашево, Козельский р-н/Козельский у.	Д.М. Грумбах	Главное здание разобрано до 1940 г.
Воробьево, Малояро- славецкий р-н/Мало- ярославецкий у.	С.П. Фёдоров	Совхоз-коммуна, отделение совхоза «Песочное», дом отдыха ВЦСПС, в годы войны госпиталь. С 1945 г. и по сей день — санаторий «Воробьево»
Городня (Городенка), Ферзиковский р-н/ Калужский у.	Д.В. Голицын	В 1918 г. образована первая в Калужской губернии крестьянская коммуна «Красный городок». В главном доме школа

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Грабцево (Успенское), Ферзиковский р-н/ Калужский у.	О.Н. Кантаку- зина	С 1950 г. КАТУ
Грязново (Грязное), Ферзиковский р-н/ Лихвинский у.		Центральная усадьба кол- хоза «Путь Ленина»
Дольское, Малояросла- вецкий р-н/ Малояро- славецкий у.	Б.Д. Гончаров и В.А. Храпо- вицкая	Школа
Дубровка (Мансурово), Малоярославецкий р-н/ Калужский у.	И.Л. Толстой	Национализирована в 1919 г. С 1922 г. — дет- ский дом, школа-интернат для детей испанских ком- мунистов. До 1994 г. шко- ла-интернат. В настоящее время филиал заповедника «Музей усадьба Л. Н. Тол- стого “Ясная Поляна”»
Железники (Утёшево), Бабынинский р-н/ Мещовский у.	С.Н. Делянова	Дачи, с 1927 г. детский дом
Железцово (Хмелевое), Дзержинский р-н/ Перемышльский у.	И.С. Данилов — репрессирован в 1919 г.)	Разобрана в 1928 г.
Жерелёво, Куйбышев- ский р-н/ Мосаль- ский у.	Д.П. Суходоль- ский и его на- следники	Различные кооперативы и производственные объ- единения
Усадьба Жиздринского Михайловского садового училища, г. Жиздра/ Жиздринский у.	Инспек- тор усадьбы Ф.А. Крюков	Садовое училище
Звизжи, Дзержинский р-н/Медынский у.		С 1918 г. поликлиника
Зеновка, Мещовский р-н/Мещовский у.	П.С. Степанова	Колхоз «Ударник»

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Зимницы, Думиниче- ский р-н/ Жиздрин- ский у.	Соловьёв	Школа
Игнатовское (Знамен- ское), Тарусский р-н/ Тарусский у.	П. Н. Перцов	Дом-интернат
Истомино (Успенское), Тарусский р-н/ Тарусский у.	П. В. Васильчи- ков и его наслед- ники	Школа
Клыково, Козельский р-н/Козельский у.	В.П. Злато- устовский	Плодовый питомник
Клюксы, Козельский р-н/Козельский у.	А.Н. Ерголь- ский	Школа
Колышево, Дзержин- ский р-н/Перемышль- ский у.		Школа для сельских детей
Кольцово, Тарусский р-н/ Тарусский у.	М. М. Осоргин- младший	Первая земледельческая коммуна им. Ильича. 1940—1970 гг. — детский дом
Кудиново, Юхновский р-н/Мещовский у.	Ф. И. и И. И. Климо- вы (выселены в 1928 г.)	Контора колхоза, школа, ясли
Курилово (Спасское), Жуковский р-н/ Боровский у.	Купцы Макаровы	Главный дом разобран до 1917 г.
Маклаки, Думиниче- ский р-н/ Жиздрин- ский у.	Наследники В. С. Львова	Больница
Нагорное, Кировский р-н/Жиздринский у.	«Товарищество производства фарфорово-фа- яновых изделий М. С. Кузнецо- ва»	Земская больница. С 1935 г. — Песоченская МТС

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Нижнее (Успенское), Жуковский р-н/ Боровский у.	И. Д. Зуев	Колония глухонемых
Никольское, Мещов- ский р-н/Мещов- ский у.	В. В. Ярмонкин	Клуб
Новоалександровский, Спас-Деменский р-н/ Мосальский у.	М. А. Нарыш- кин	1918—1922 гг. — музей
Озёрское, Козельский р-н/ Перемышль- ский у.	Д. И. Цыплаков	После 1917 г. главный дом разгромлен
Павлово (Павлодарь), Козельский р-н/ Козельский у.	А. А. Апухтина	Усадебные здания утрачены
Панское, Малояросла- вецкий р-н/ Малояро- славецкий у.	Кудрявцевы	Национализирована. Пио- нерлагерь, детский дом
Плюсково (Муромце- во), Дзержинский р-н/ Медынский у.	Наследники Е. Н. Дерюжин- ской	Коммуна, после колхоз
Подборки (Озёрское), Козельский р-н/ Перемышльский у.	Л. Н. Писарев до 1918 г.	Школа-интернат
Полотняный Завод (Гончаровых), Дзер- жинский р-н/ Медын- ский у.	В. К. и Д. Д. Гон- чаровы	В начале XX в. оперный и драматический теа- тры, с 1922 г. дом отдыха, в 1941 г. сожжён
Полотняный Завод (Щепочкина), Дзер- жинский р-н/ Медын- ский у.	Купец Прохоров	Школа
Полошково, Козельский р-н/ Козельский у.	Л. А. Дитрих	С 1918 г. в запустении

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Пройдево, Мосальский р-н/Мосальский у.	Н. И. Булычёв	В 1917 г. крестьянский по- гром, в 1920 г. дом переве- зён в Мосальск
Прудки, Медынский р-н/Медынский у.	А. С. Ступицына	Главный дом разобран в 1980-х гг.
Радождево, Сухиниче- ский р-н/Козель- ский у.	Полковник Кирияков	Центральная усадьба кол- хоза им. Кирова
Росва, пригородная зона Калуги Перемышль- ский у.	С. В. Урусова и С. Д. Урусов	Клуб
Рындино, Бабынинский р-н/ Перемышль- ский у.	Е. В. Унковская (Олив)	С 1920 г. Рындинское сель- скохозяйственное товарище- ство, после — больница
Салтыково, Тарусский р-н/Тарусский у.	М. Голубицкая	Колхоз
Сатино, Боровский р-н/ Боровский у.	В. П. Меренков	Дом сгорел в 1985 г.
Сенино (Михайловка), Жуковский р-н/ Малоярославецкий у.		До 1970 г. агрошкола. После здание разрушили и сожгли
Сергиевское (Карово), Ферзиковский р-н/ Калужский у.	М. М. Осоргин- младший	В 1917 г. подверглась раз- грому, в 1922 г. сожжён главный дом
Сивцево, Тарусский р-н/Тарусский у.	Миллеры	Приют для детей с психоло- гическими заболеваниями
Сильковичи, Бяргин- ский р-н/ Мосаль- ский у.	Вимберг	В 1916 г. главный дом отдан под госпиталь, в годы ВОВ разобран
Слободка, Перемышль- ский р-н/ Перемышль- ский у.	О. А. Ширин- ская-Шихматова	Главный дом утрачен в 1980-х гг.
Сосновка, Мещовский р-н/Мещовский у.	П. Н. Манасеин	Главный дом сожжён в 1905 г.

Усадьба	Владельцы в 1917 г.	Использование после революции 1917 г.
Степановское-Павлищево (Павлищев бор), Юхновский р-н/Мещовский у.	Е. П. Ярошенко	Дом отдыха, пионерский лагерь, детский дом. С 1950 г. — противотуберкулёзный диспансер
Турлики (Михайловское), г. Обнинск/Малоярославецкий у.	М. К. Морозова	В 1918 г. школа-колония «Бодрая жизнь». В 1942—1943 гг. штаб Западного фронта под командованием Г. К. Жукова. С 1946 г. в ведении Физико-энергетического института г. Обнинска
Фоминичи, Кировский р-н/Жиздринский у.	О. К. Устинова	Колхоз «Культурный труд»

Таким образом, слабость партийного влияния в деревне и повышение крестьянской активности в связи с переходом к НЭПу послужили наряду с нерешёнными вопросами землеустройства основными причинами, побудившими советскую власть начать активную антипомещичью кампанию в 1923—1924 гг. Жертвами её стали проживавшие в тот момент в бывших помещичьих имениях мелкопоместные дворяне, часть из них состояла на службе в органах советской власти, трудилась в качестве врачей, учителей, агрономов, ветеринаров, другая часть — это старики, бывшие слуги, незаконнорождённые дети. Им предстояло после издания постановления 20 марта 1925 г. в течение долгих лет доказывать своё недворянское происхождение или отсутствие кабальных отношений с крестьянством, чтобы остаться на месте, испытать на себе произвол местных властей, антипомещичью критику в прессе. Бывшие помещики стали первой мишенью для удара. Их выселение стало своего рода репетицией будущего раскулачивания: отрабатывались формы и методы, которые будут применяться позже, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В основе социальной политики советской власти по отношению к этой части населения был положен сталинский принцип «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму», использование которого привело к репрессиям 30-х гг., искалечившим судьбы миллионов людей. Многие из бывших помещиков испытали на себе террор коллективизации, значились в числе «лишенцев» и «спецпереселенцев».

ЧЕТВЁРТЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. И. МАЛИНИНА

**16 ноября 2018 г.
(к 85-летию со дня смерти)**

Программа

10.00. Возложение цветов на могилу Д. И. Малинина на Пятницком кладбище в Калуге

12.00. Открытие

Майя Александровна Добычина, начальник управления по делам архивов Калужской области, кандидат исторических наук.

12.10. Вручение дипломов победителям VI Всероссийского конкурса «Юный архивист»

12.20. Обсуждение вопроса об установке памятника Д. И. Малинину в Калуге

Виталий Анатольевич Бессонов,

Майя Александровна Добычина

13.00. Купечество как градообразующее сословие

Ольга Юрьевна Хомутова, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калужский филиал РАНХиГС»

Купечество как градообразующее сословие

О. Ю. Хомутова

В XVIII в. отдельные меры по поощрению купеческого сословия оформились в определённую политику. Купечество было единственным «мобильным» сословием, вступление в которое зависело исключительно от объявления капитала и ежегодной уплаты определённого денежного взноса с него — гильдейского сбора, а по сути от успешности предпринимательской деятельности. Купеческое сословие являлось единственно доступным социальным лифтом в сословном обществе. Государство взамен на освобождение от рекрутской и подушной повинности, и, что немаловажно, от телесных наказаний, ожидало от представителей торгового класса финансовой поддержки в решении государственных задач, участия в деле благоустройства городов и решении социальных вопросов.

Грамота на права и выгоды городам Российской империи, принятая Екатериной II 21 апреля 1785 г., создавала привилегированное положение для городского купечества, которое в конце XVIII в. составляло около 4 % населения. Купеческое сословие разделялось на три гильдии, и это деление сохранилось до 1863 г. Гильдейские различия заключались в следующем: сумма объявленного капитала и размер уплачиваемой купцом гильдейской пошлины, гильдейские преимущества и права по торговле. Реализация профессиональной деятельности купцами — обустройство и строительство торговых мест, производства, в том числе и на территории городов, жилищная и коммерческая застройка меняли облик города, кроме того, с конца XVIII в. содержание социальных и общественных объектов, развитие инфраструктуры, освещение, мощение улиц, проведение водопровода во многом легли на плечи купечества.

В 1763 г. Екатерина подписала указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо». В связи с чем ставилась задача разработки генеральных планов по меньшей мере для 500 городов, в том числе и для Калуги, ставшей губернским городом в 1776 г. В ходе городской и губернской реформ Екатерины II Калуга к концу XVIII в. стала одним из самых благоустроенных провинциальных городов Европейской части России. Этому способствовала прочная экономическая основа развития города в лице успешных предпринимателей. Вторая половина XVIII — начала XIX в. — время расцвета калужского купечества и самой Калуги как торгового центра.

Калуга по праву считалась купеческой. Городские усадьбы Билибиных, Золотарёвых, Торубаевых, Фалеевых, краса и гордость Калуги, стали символами предпринимательского успеха. В городе нет ни одной дворянской усадьбы, которая могла соперничать с названными постройками. Нацеленное на увеличение количества торговых и промышленных заведений, улучшение городской инфраструктуры и закрепление успеха дела в виде собственного дома, предпринимательское сословие было основным инвестором в развитие городской среды.

Описание, составленное путешественником, посетившим Калугу в конце XVIII в., даёт нам следующее представление: «Самый город, особенно в некоторых местах, по размеру и положению улиц, напоминает Москву. Домов каменных больших довольно, но расположены они неудобно, большею частию в уединённых улицах и рядом с большим домом гнётся набок ветхий домишко; впрочем, на главных улицах дома большею частию каменные. Все большие каменные дома принадлежат купечеству. Помещичьих домов очень немного».

Строительство «казённых» зданий — присутственных мест, складов, тюрем, губернаторских домов, карантин и т.п. — производилось губернскими и уездными властями и сословными организациями за счёт местного бюджета. Развитие торговых мест и благоустройство города возлагались на городской бюджет, и часто в случае его недостаточности дополнялся взносами со стороны купечества.

Так, строительство Гостиных рядов в Калуге осуществлялось за счёт городского бюджета и купеческой суммы. «Долгострой» при создании Гостиных рядов с 1784 по 1823 г. (даты с небольшой погрешностью совпали с периодом работы в должности губернского архитектора И. Д. Ясныгина — 1775—1822 гг.) был связан с неоднократными изменениями плана представителями калужского купечества. Подавались прошения об изменении плана, в том числе об уменьшении ширины корпусов, что объяснялось недостаточно широкими проездами для подвоза товаров. Дополнительные требования купечества касались технических характеристик постройки, купцы старались добиться обеспечения максимально комфортных условий для торговли, подвоза и отгрузки товара, его сохранности, проходимости и обзора для покупателей. Министерство внутренних дел поочерёдно согласовало видоизменённые проекты.

Купеческое сообщество не всегда имело возможность напрямую участвовать в разработке проекта коммерческого или промышленного здания действовало исподволь, по пословице «не мытьём, так катанием».

Так, постройке торговых лавок в Сухиничах предшествовала длительная переписка между главноуправляющим путями сообщения и общественными зданиями, МВД, Калужской губернской строительной и дорожной комиссией и городским головой г. Сухиничи.

Сухиничский городской голова и городское общество вошли с представлением в строительную комиссию о неудобности для торговли и безвыгодности для города постройки лавок, шатра и важни по утверждённому главным управлением плану, почему и ходатайствовали об его изменении. Ответ комиссии был следующим: «Строительная комиссия, приняв в уважение в представлении градского головы неудобства постройки означенных зданий по означенному плану, отправили на согласование в Департамент искусственных дел план с изменениями». По новому проекту сохранялся разрыв в зданиях для подвоза товара, а при трактире и питейном доме возводились каменные брандмауэры. Министр внутренних дел согласовал проект, при этом отметил, что на основании ст. 21 и 73 Устава городского хозяйства он не встречает препятствий к отпуску из запасного капитала г. Сухиничи необходимой суммы.

Но пока проект был на согласовании, городское сообщество изменило план ещё раз. В пояснительной записке к новому проекту по предложению городского общества значилось следующее: «Существующие лавки пришли в совершенную ветхость, и торговцы по неудобству в них платят в городской доход весьма низкие цены, вследствие этого городским обществом нашлось вынужденным приступить к устройству нового Гостиного двора. Члены городской ратуши и граждане города Сухиничи на собранной ими сходке приговорили: 1. Устроить два корпуса деревянных лавок на каменных фундаментах с подвалами на одну сторону и антресольными этажами, расположив корпуса сзади ратуши, один за другим, но не рядом, на том основании, что убедились уже на опыте старых лавках, стоящих в два ряда, что вторые ряды, считая от собора, торгуют гораздо хуже, поэтому большая их часть стоит пустыми. 2. Для большего дохода города нашли нужным устроить два шатра, из них больший сделать длиною 22 сажени и шириной 6 сажень и под ним с краёв по правую сторону трактир шириной 18 аршин и по левую питейный дом. Могущий служить и питейною конторой, шириной 10 аршин и устроить их на каменных фундаментах с дубовыми срубами для ледников. Меньший шатёр длиною 10 сажень и шириной 10 аршин, и под обеими столами устроить столы для торговцев».

В ходе согласования проекта все внесённые изменения в план торговых рядов были одобрены, а также скорректированы затраты на строительство,

первоначально планируемые каменные лавки по просьбе городского общества были заменены на деревянные лавки с каменным фундаментом, уменьшено число корпусов взамен на более дешёвые шатры.

В некоторых уездных городах применялась практика застройки гостиных рядов исключительно на купеческие деньги, обычно в этом случае экономные купцы не давали развернуться архитектурной фантазии и использовали максимально функциональное и простое решение. Например, боровские купцы, представив проект торговых лавок в составе гостиных рядов, получили одобрение Калужской губернской строительной комиссии с первого раза, так как все требования пожарной и гигиенической безопасности были соблюдены.

Согласно требованиям Строительного устава, центр города можно было застраивать только каменными домами. В процессе формирования центра Калуги улицы Московская (позже Никитская, сейчас ул. Ленина), Облупская (ул. Театральная), Ильинская и Богоявленская (ул. Кутузова), Почтовый переулок (ул. Кропоткинская), Золотарёвская (ул. Пушкина) стали активно застраиваться преимущественно купеческими и в меньшей степени дворянскими домами. С 1785 по 1800 г. в Калуге наблюдается самый высокий подъём частного каменного строительства. Оно увеличилось в 2 раза. Так, в 1760 г. было построено 83 каменных дома, в 1778 г. — 183 каменных и 2 235 деревянных дома. В этот период в среднем строилось по 11 каменных домов в год. Объяснялся процесс активного каменного строительства не только законодательными требованиями к градостроительству, но и совпадением регулярной застройки города с экономическим расцветом калужского купечества.

Согласно отчётам губернского правления на протяжении XIX в. сохранилась тенденция застройки городов губернии каменными домами купцов, мещане строили преимущественно деревянные одноэтажные дома на каменном фундаменте, или двухэтажные, первый этаж был каменным, второй деревянным. Но задумка законодателя о полном выведении деревянного строительства за пределы центра города не была реализована, и часто каменные купеческие дома соседствовали с деревянными мещанскими. Сильно разнилась цена домов в зависимости от материала и качества исполнения — от 40—50 рублей в среднем за деревянный одноэтажный маленький дом, 600 рублей в среднем за каменный одноэтажный дом и до 10 тысяч за большой двухэтажный купеческий дом.

Купеческая застройка тяготела к центру города, предпринимательское сословие часто совмещало строительство жилого дома с коммерческими заведениями на одном участке. Прошения о разрешении

на строительство лавки, питейного дома, торговой бани, амбара и даже завода на «крепостном месте», то есть на участке собственника, характерны для запросов купцов XVIII—XIX вв. Судя по документам, купцы не просили выдать им план дома с указанием наиболее подходящего номера типового фасада, в отличие от мещанских обращений, а предлагали свой вариант составленный «классными художниками» — архитекторами, состоящими на службе и имеющими чин или класс. Так, в переписке с калужским городским полицейским управлением купец 2-й гильдии Иван Семёнович Астреев просил позволения построить лавку и питейный дом рядом со своим домом. План застройки участка Астреева, расположенного в Калуге, 1-я часть, 6-й квартал, № 92 и 93 по улице Тележной (сейчас ул. Воронина) был представлен уже с описанием планирующихся построек. Название улица Тележная получила за активное движение по ней коммерческого транспорта — телег и возов, которые доставляли товар или вывозили закупки с Нового торгового (ныне Театральная площадь). На этой улице практически в каждом доме были трактир, постоялый двор или питейный дом, которые за счёт шумного торгового места хорошо зарабатывали. На плане участка Астреева представлены предположения — планируемые изменения: вместо «старых существующих деревянной портерной лавочки, питейного дома и ветхой каменной лавки выстроить новые деревянные, портерную лавку, питейный дом, каменную лавку переделать заново».

В середине XVIII в. на улице Спасской, которая тянулась от Березуйского оврага вплоть до Тульской заставы через весь город, напротив церкви Богоявления, в честь которой впоследствии называлась и улица (сейчас ул. Кутузова), основатель одной из крупнейших династий калужского купечества Торубаев построил полотняно-парусную фабрику. Фабричное здание служило производству до конца 30-х гг. XIX в. В 1879 г. в этом здании открылось женское епархиальное училище, где 20 лет преподавал физику и математику К. Э. Циолковский, сейчас здесь располагается гимназия № 9 им. К. Э. Циолковского. Рядом с фабрикой Торубаевы построили одну из своих усадеб, которая потом была перестроена архитектором Ясныгиным и на протяжении XX в. неоднократно меняла своих владельцев. В настоящее время дом усадьбы входит в комплекс школы-интерната № 1 (ул. Кутузова, 18, 20), купеческое наследие продолжает служить городу.

По соседству с участком Торубаевых располагался участок другой богатейшей фамилии Калуги — купцов Билибиных. В 1865 г. в Калужское городское полицейское управление поступило обращение калужского потомственного

гражданина купца 2-й гильдии Павла Ивановича Билибина о постройке двухэтажного амбара с приложением Генерального плана г. Калуги с показанием под литерой А места и строений, состоящие 2-й части 1-го квартала на Богоявленской улице под № 154 и планируемых изменений.

Согласно описанию, на участке П. И. Билибина размещались:

1. Каменный двухэтажный дом, крытый железом, с деревянной ротондой;
2. Каменный двухэтажный амбар, крытый железом, с брандмауэром;
3. Каменные службы, крытые железом, с брандмауэром;
4. Деревянный амбар, крытый железом, за каменной стеною;
5. Каменный погреб, крытый железом;
6. Холостые бревенчатые службы, крытые тёсом;
7. Навесы, крытые тёсом;
8. Грунтовой сарай;
9. Каменный амбар, крытый тёсом;
10. Деревянная беседка.

Купец просил разрешение на строительство амбара и внесение изменений в главный дом: пробить окна на улицу и сделать внутреннее устройство согласно плану; пробить в каменной стене дверь для парадного входа и амбар обратить в прихожую. Согласно ст. 361 Строительного устава, план перестройки был согласован, наблюдать за работами было поручено полицейскому управлению.

Если планы усадеб Билибина и Торубаева дают представление об организации домового хозяйства купцов старших гильдий, имевших несколько домов-усадб не только в Калуге, но и в столичных городах, то план калужского купца Кожина и тарусского купца Макаренкова являют собой образцы типовой застройки купечества средней руки. Согласно постановлению губернского инженера, по прошению калужского купца Фёдора Михайловича Кожина было дано разрешение на сооружение пристройки к его дому двухэтажной галереи с приложением плана. К двухэтажному дому, состоящему в г. Калуге на Васильевской улице (сейчас ул. Герцена), была пристроена каменная двухэтажная галерея. Судя по рисунку фасада, дом был изящно декорирован и выглядел на плане более щегольски, чем план дома застройщиков-дворян, спроектированный по тому же типовому варианту.

Благоустройство городской территории, согласно ст. 287 Строительного устава, входило в обязанности городской думы: мощение, освещение, озеленение и уборка улиц и площадей. Ежегодно из городского бюджета на эти цели выделялась определённая сумма, это были плановые расходы,

но обычно резервировалась часть денег на непредвиденные расходы. Выявив недостатки в состоянии улиц, их покрытия, стоков для воды и проч., полицейское управление направляло постановление в городскую думу. Хорошо осведомлённые чиновники в своём документе присовокупляли: «как известно полиции, городская дума располагает в настоящее время сводным общественным капиталом, полицейское управление полагает совершенно полезным и необходимым устроить в Перемышле мостовые на торговой площади и улицах, от неё идущих». С некоторыми оговорками и всегда с рачительным отношением к городскому бюджету предписания полицейского управления исполнялось городской думой в течение года.

Важным сектором городской жизни является розничная торговля. Стационарная торговля была преимущественно в руках купечества. При сравнении данных таких губернских городов, как Владимир, Орёл, Смоленск, Рязань, Тула, Тверь и Ярославль с Калугой мы видим значительный перевес количественного показателя в пользу последней. Данные по количеству лавок, трактиров и питейных домов отражают заведения, находившиеся в собственности или аренде у купеческого сословия. Калужские показатели можно отнести к числу средних (686 по губернскому городу, 1416 по губернии по сравнению с 306 в Рязани и 942 по губернии, 468 — в Твери и 2030 по губернии, 198 в Смоленске и 999 по губернии). Несмотря на ослабление позиций калужского купечества на общероссийском рынке во второй половине XIX в., надо отметить рост количества стационарных заведений, прежде всего лавочек и магазинов на территории губернии в течение изучаемого периода.

Большое количество лавок и магазинов в городах Калужской губернии объясняется не только особой любовью населения к торговому ремеслу, но и достаточно широкими свободами, предоставляемыми законодательством всем желающим содержать лавки, магазины и кладовые. Право содержать лавки и кладовые предоставлялось «всем желающим в городах и имеющим право торгога».

По законодательству, «наблюдение за точным выполнением правил, установленных для производства торговли, возлагается в городах на городские думы, а где оных нет — на ратуши, в селениях же — на земскую и сельскую полицию». Контроль коммерческой деятельности осуществляли также торговые депутации, состоящие из выборных представителей купечества и мещанства. В их функции входил сбор пошлин с содержателей и владельцев частных заведений.

Основную массу заведений губернского и уездных городов составляли мелкие лавочки, общее их число колебалось от 380 в конце XVIII в.

до 250 в середине XIX в. В начале XIX в. территория Старого торгового требовала усовершенствования, и по приказу городничего самые ветхие лавочки были снесены. Организацию этого мероприятия губернское правление возложило на полицию. Распоряжение губернского правления гласило: «Полиция имеет надзор за чистотою в рядах и за безвредностью продававших в них припасов». В рапортах калужского полицмейстера в городскую думу регулярно обозначались выявленные недостатки и предложения по их устранению: «Для продажи разных мелочных товаров, как то: булок, палочек и прочего — поставлена на Старой площади против задних корпусов Гостиного двора палатка, которая мною на манер московских устроена, дабы торговцы, занимающиеся ныне на столиках, сундуках и в безобразных шалашах, производили продажу в подобных палатках, что благоволит городская дума устроить на манер оной нужное количество разной величины палаток и отдавать оные в пользу общественных доходов». Первая палатка на «московский манер» была устроена в 1819 г., и уже спустя несколько месяцев того же года квартал за Гостиными рядами приобрёл весьма благоустроенный вид, а городская казна — дополнительный доход.

В 1782 г. был отменён запрет на открытие лавок в частных домах. Отмена последовала в результате неоднократных обращений в правительство так называемого нового купечества, «которое страдало от недостатка торговых помещений вследствие распределения имевшихся в наличии помещений верхушкой старого гильдейского купечества». С момента отмены запрета в Калужский городской магистрат и магистраты и ратуши уездных городов еженедельно стали поступать прошения от мещан и купечества об открытии лавки, трактира и проч. В разное время за год заключалось от 100 до 250 договоров о содержании лавок и трактиров в домах калужских мещан и купцов. В среднем в городе насчитывалось около 550 лавок (по данным за период 1790—1860 гг. — максимальная цифра 654, минимальная — 448), около 250 из них размещались на территории Гостиных дворов, а примерно 60 на территории Мясных рядов, «Трубянки» и других рыночных мест. По данным Калужской казённой палаты, более 200 лавок ежегодно вели свою торговую деятельность в домах местных жителей. В журналах Калужской городской думы и книгах для сбора денег в пользу города ежегодно фиксировались владельцы и арендаторы лавок, их месторасположение, состояние, размер и назначение, а также на какое время арендуется помещение и какая часть арендной платы будет поступать владельцу дома, а какая в городскую казну. Рассмотрим несколько таких записей: «1) В нижнем этаже

почётного гражданина Ивана Ильича Антипина лавки содержат разные лица, всего 7 человек, которые платят за аренду Антипину 28 руб. серебром, акцизный сбор в казну города 2 руб. 80 коп. (10 % с арендной платы)». Назначение лавочек обозначено обобщённо: «...для торговли приличными товарами». 2) При доме купеческой жены Марьи Михайловны Фалеевой содержит пекарню Ярославской губернии мещанин Данилов; платит за аренду — 70 руб. серебром и 7 руб. — в городскую казну. В том же доме 2 кузницы, за первую платят 10 руб. серебром, за вторую — 15 руб. серебром Фалеевой, и 1 руб. 50 коп. в казну. Самым дорогостоящим заведением оказалась «цирюльня», которую в том же доме содержал московский мещанин В.П. Басов. Он платил 83 руб. серебром — собственнику и 8 руб. 30 коп. — в счёт акцизов.

В одном доме могли размещаться несколько заведений разного характера: кузница, пекарня, цирюльня. Обычно в больших купеческих домах размещалось от 3 до 6 лавок. Для пополнения городского бюджета сдавалась часть дома, принадлежащего управе, в нём располагались пекарня и лавка, за которые воротынский мещанин Василий Прокофьев по контракту платил 125 руб. серебром аренды и 12 руб. 15 коп. — акциза; там же была цирюльня и аптека (где главным образом продавалась парфюмерия), содержанием которых значился московский купец III гильдии Илья Кожемякин. Он платил за оба заведения в общей сложности 165 руб.

В категорию лавок входили: мелочные торговые лавки, цирюльни, аптеки, кузницы. Самая высокая цена назначалась за аренду цирюлен — 70—100 руб. серебром, за ними следовали пекарни 70—80 руб., дешевле всего обходились помещения содержателям кузниц — 10—20 руб. серебром. При таких расценках доход в казну только от сбора акцизов с арендных денег составлял от 9 тыс. до 15 тыс. руб. серебром ежегодно, в 10 раз больше получали владельцы арендных площадей.

Другой немаловажный сектор городских коммерческих заведений представляли собой трактиры, рестораны, постоялые дворы и гостиницы. В Калуге начала XIX в. насчитывалось 2 гостиницы, 10 постоялых дворов, 10 харчевен и 5 ресторанов. В 1825 г. количество гостиниц увеличилось до 9, ресторанов 22, харчевен 13 и 17 постоялых дворов, а в 1861 г. действовало 7 гостиниц, 20 постоялых дворов, 15 ресторанов и 25 харчевен. В расчёте на город с 30 тысячным населением, который представлял интерес преимущественно с точки зрения коммерции, указанное число заведений должно было составлять значительную конкуренцию друг другу.

Лучшие гостиницы с ресторациями располагались в центре города, в районе Староторжской площади и вверх по улице Никитской, застроенной купеческими домами. Одно из известных заведений города располагалось в постройке, относящейся к началу XVIII в. и поначалу принадлежавшей фабриканту парусно-полотняного производства Артемию Шершневу. В 1832 г. его приобрёл купец Елисеев и открыл там гостиницу «Тифлис» с ресторацией.

В последнем квартале Никитской улицы перед Торговой площадью размещались ресторация и гостиница под названием «Киев», заведение местного купца II гильдии И. Ф. Печонкина. Французский предприниматель Франц Кулон в 20-е гг. XIX в. купил гостиницу и назвал своим именем — «Кулон». Дом Купеческого собрания, находившийся на Староторжской площади, который был построен в 1815 г., использовался по назначению чуть более года, после чего было решено, что выгоднее сдавать его в аренду. И с 1816 до 1916 г., ровно 100 лет, здесь располагалась ресторация. За сто лет ресторан сменил более десяти содержателей, а самый цветущий период в истории заведения приходился на начало XX в., когда он принадлежал купцу Фёдорову.

Описанные выше заведения относились к разряду респектабельных и дорогих. Заведения более демократичные располагались в районе улицы Садовой. В начале XIX в. этот район быстро застраивался харчевнями, гостиницами, постоялыми дворами и трактирами. Самым концентрированным местом подобных заведений была Облупская улица. Заведения на этой улице преимущественно принадлежали не купцам, а мещанам, которые сдавали дом или его часть в аренду.

Изменения в «трактирном бизнесе» хорошо прослеживаются по контрактам купцов об аренде. В них оговариваются условия аренды, обязательства, которые должен исполнять купец и представитель владельца трактира — приказчик, подотчётный непосредственно хозяину. Например, за трактиры губернского города с наиболее выгодным расположением, один около Гостиного двора, другой — на Смоленской дороге, калужский купец Федот Парфентьевич Зотов уплатил в городскую казну за аренду за первый 1901 руб. и 955 руб. — за второй. Контракт заключался на 4 года — с 1807 по 1810 г., по нему Зотов получал право «в трактирах для удовольствия иностранного и всякого звания русских людей, кроме подлых и солдатства, по Указу 1770 г. и по условиям питейных заведений с 1807 г., продавать для проезжающих людей, содержать стол, российские и французские водки, ромы, виноградные вина, пиво импортные на манер английского, чай и курительный табак». Строгий контроль

за посетителями также оговаривался в контракте: «нижнего сословия людей, солдат, крестьян и всякого звания развратных людей и зазорных женщин не впускать, и не терпеть картёжной и прочих запрещённых игр и вовсе ничего сверх позволенного не держать». Трактиры Зотова, Фалеева, Печонкина, ресторация в доме Рябчиковых, которой успешно управлял ярославский крестьянин Рыбинского уезда, пользовались популярностью среди жителей города. Историю этих заведений можно проследить не только по архивным документам, но и по периодическим публикациям в «Калужских губернских ведомостях», где публиковались анонсы от заведений. Каждый из них славился чем-то особым, только для него характерным: ресторация Васильева — длинными и вкусными обедами в Рождественские праздники, трактир Фалеева — большим выбором, а главное, высоким качеством самодельных настоек.

В местной прессе мы сталкиваемся с интересными примерами рекламы того времени. Обычно перед праздниками владельцы солидных заведений вместе с поздравлениями и пожеланиями публиковали перечень праздничных блюд и напитков, которые могли превратить и будний день в праздник.

Трактиры и ресторации занимали первую ступень различных по уровню обслуживания и предлагаемому ассортименту товаров заведений, за ними шли харчевни, пивные лавки, питейные дома. К внешнему виду и сословной принадлежности посетителей этих заведений не предъявлялись ограничения, а те, в свою очередь, были непритязательны к обслуживанию. Харчевни и пивные лавки обходились своим хозяевам дешевле. Аренда трактира в зависимости от его расположения, доходности и размера площадей варьировалась от 500 до 1 тыс. руб. (обычно за 4 года) и выше, причём расценки на протяжении десятилетий почти не менялись. Харчевни и пивные лавки обходились их владельцам от 20 до 200 руб. за 4 года. Более высокая арендная плата назначалась за харчевню или пивную лавку при постоялом дворе. На содержание трактиров и харчевен выдавались разные свидетельства, так как владельцы заведений обладали различными правами и обязанностями. Наверное, каждый владелец харчевни мечтал стать хозяином ресторации. Примеров этому достаточно хранится в документации городской думы, один из них — изъявление желания купца И. Д. Новикова открыть и содержать трактир на месте бывшей харчевни. Вследствие чего он внёс акциз — 120 руб. (больше, чем за харчевню, в два раза), так как свидетельство на право торговли в ресторации гораздо обширнее, нежели бывшей харчевни. Купцы Астреев и Вятнев просили выдать свидетельство на содержание

в полупустом доме вместо бывшей харчевни ресторации и обязались платить: первый — 120 руб., второй — 100 руб. акциза.

Показателен случай, имевший место в семье Торубаевых — купеческой династии, занимавшей видное положение среди крупных предпринимателей с XVIII в. Основой капиталов являлась оптовая торговля, кроме того, Торубаевы были владельцами нескольких заводов и двух ресторанов. После смерти главы семьи, его вдова Акулина Яковлевна Торубаева осталась одна с пятью малолетними детьми. Занять место отца из детей до совершеннолетия никто не мог, и за три года торговые обороты Торубаевых сильно сократились. В 1828 г. Акулина Торубаева объявила городской думе, «что согласно постановлению о торговле 1824 г., желает она в течение 1829 г. завести и содержать в г. Калуге в первой части 1-м квартале в собственном её доме (от умершего её мужа Ивана Акимовича Торубаева) каменном, двухэтажную ресторацию с платежом в доход города полугодового акциза ходячею монетою 300 руб.». Калужское казначейство удовлетворило просьбу купеческой вдовы, и так как она уже имела «торговое свидетельство и аттестат о поведении от городской главы и городского старосты, весьма высоко характеризующие деловые качества купчихи», то уже через месяц, в феврале 1829 г., ресторан был открыт. Высокий акциз, 300 руб. за полгода, объяснялся значительной доходностью заведения, оно располагалось в центре города, и Акулине Торубаевой удалось вернуть ему былую популярность.

Высокая доходность ресторанов, харчевен и т.п. определила тот факт, что немалое количество их принадлежало городу. В этом случае помимо акциза за содержание в городскую казну шли деньги за аренду помещения. Эти заведения отдавались в аренду на 4 года после конкурса, который проводила городская дума на основании существующего законодательства. Обычно в таких торгах участвовали местные купцы, за ними по численности следовали мещане, а затем — крестьяне, чаще всего Ярославской губернии. За право аренды на некоторые трактиры шла настоящая борьба, другие иногда оставались без хозяина. Развитие этой сферы предпринимательской деятельности приносило большой доход содержателям заведений и городскому бюджету. Третье место по величине дохода после налогов с недвижимости и за содержание торговых заведений занимали сборы с содержателей гостиниц, рестораций, харчевен, трактиров, постоялых дворов. В среднем около 10 тыс. руб. ежегодно давал в городскую казну только сбор акциза.

Гильдейское деление купечества, отражающее профессиональный масштаб деятельности, сказывалось при формировании органов

городского управления. Наиболее почётные должности городского самоуправления — городской голова и депутаты городской шестигласной думы часто замещались «по наследству» вместе с записью в старшие гильдии нового поколения уже зарекомендовавших себя купеческих фамилий. Деятельность в органах самоуправления, являясь преимущественно общественной нагрузкой, подталкивала купцов выйти из узко личностных интересов и заставляла мыслить и ставить управленческие задачи в масштабах города. Многочисленные примеры подтверждают, что участие в органах самоуправления купечества и мещанства приносило реальную помощь российским губернским и уездным городам.

Хотелось бы отметить, что наиболее активную деятельность вели выборные органы в городах с многочисленным купеческим обществом. Это объясняется, во-первых, более интенсивным развитием социальных и экономических сфер в торгово-промышленных городах; во-вторых, заинтересованностью в быстром решении вопросов, связанных непосредственно с их деятельностью (строительство, ремонт, торговля, производство, перемещение в другие города и т. д.); в-третьих, активизация работы выборных органов объясняется, с психологической точки зрения, деятельной натурой большинства купцов. В таких ярко выраженных купеческих городах, как Калуга, Козельск, Боровск, в сферу деятельности выборных органов попадало всё больше вопросов, связанных с жизнью города, жителей уезда и всей губернии: динамичные и несущие прямую ответственность выборные органы имели больший авторитет и доверие, поэтому их роль в процессе городского управления была значительна.

Анализ документов ГАКО позволяет выделить ряд характерных особенностей общественной деятельности купечества, направленной на решение социальных вопросов городов XVIII — XIX вв. Во-первых, это комплексный подход к решению социальных проблем города и регулярность в осуществлении благотворительной деятельности. Провинциальные купцы не ограничивались единичными проявлениями «социальной сознательности», а проводили разноплановые мероприятия по поддержке несостоятельных и попавших в беду горожан и жителей губернии. Эти мероприятия проводились как в рамках деятельности шестигласных городских дум городов губернии, так и специально созданными для этого комитетами.

Так, в неурожайный период 1840—1843 гг. на протяжении четырёх лет действовал особый комитет, который состоял из четырёх купцов и шести мещан. Комитет подчинялся непосредственно шестигласной городской думе, деятельность её контролировал городской голова О. И. Билибин,

мануфактурный советник, купец I гильдии. По распоряжению думы составлялись именные подробные списки «о действительно нуждающихся мещанах в пособии, с описанием средств, имущества каждого, сколько человек в семье». Ежегодно собирались суммы для закупки хлеба для бедных жителей городов наиболее пострадавших от неурожая районов. Только для жителей Калужской губернии было собрано 7 тыс. 802 руб. пожертвований, мукою 1550 пудов, из Калужского приказа общественного призрения по билету предоставлена общественная сумма 37 941 руб., на которую было приобретено 19 743 пуда муки. По решению думы «самобеднейшим» мука выдавалась бесплатно, другим по пониженной цене. Неоднократно на протяжении XVIII—XIX вв. проводились сборы пожертвований от купеческих обществ губернского и уездного городов в пользу погорельцев разных городов Калужской и других губерний.

Помимо сборов по случаю чрезвычайных ситуаций, именно с купеческих капиталов ежегодно отчислялась сумма в кассу Приказа общественного призрения, которая шла на решение местных городских проблем.

Распространённая форма помощи купечества бедным жителям городов — уплата налогов за «беднейших мещан». Такая помощь оказывалась как по совместному решению купеческого общества, так и отдельными представителями сословия. Так, например купец Масленников неоднократно жертвовал деньги на уплату «казённых недоимок за беднейших мещан». Подобные формы социальной поддержки горожан можно отнести к разряду регулярных, которые стали привычным явлением в городской жизни.

К разряду деятельности, направленной на развитие социальных объектов, можно отнести работу купцов по некоторым выборным должностям, например церковного старосты. В их обязанности входило обеспечение церковных праздников, сбор денег на поддержку малоимущих, проведение ремонта церкви. То, что дело это было затратным и требовало значительных средств, можно судить по количеству прошений такого рода: «От священника Егора Антонова и церковного старосты купеческого сына Григория Чепцова покорнейшее прошение. Дабы поступившие доходы от прихожан городскому доходу не присоединять, а с согласия городского общества предоставлять ежегодно здешнему городу церквям на поправку их и исправление церковных утварей».

Значительная часть купеческой суммы шла на дела городского благоустройства, что явствует из книг городских дум для записи прихода и расхода купеческих сумм. Приход купеческой суммы состоял главным образом из денег, уплаченных за аренду лавок, домов, амбаров и личных

взносов купцов. Из этой суммы можно выделить следующие статьи расхода на социальные цели:

1. Содержание церквей, богаделен, домов сирот и других социальных объектов.
2. Ежегодная выплата из купеческой суммы единовременных пособий при уходе в отставку с гражданской или военной службы низшим чинам.
3. Организация и проведение церковных праздников.
4. Благоустройство города, в том числе: перестройка лавок, кладка каменных мостовых, починка фонарей и т.д.

Содержание большинства богоугодных заведений лежало на купеческих обществах губернского и уездных городов. Таким образом, можно говорить, что социальная направленность общественной деятельности купечества являлась отличительной чертой торгово-промышленного сословия и характеризовалась преемственностью и разноректорностью.

Ещё одним механизмом благоустройства городской жизни являлись общественные городские банки, уникальные кредитные заведения, в устав которых входил пункт об осуществлении обязательной социальной деятельности. Учреждение банков такого рода относится к правлению Екатерины II, и, несмотря на невысокую оценку их финансового потенциала экономистами, они были социально значимым явлением российской провинции. Первый городской общественный банк на территории Калужской губернии открылся в 1855 г. в Мещовске. Инициатива и финансовые средства для основания банка принадлежали потомственному дворянину, почётному гражданину и временно тульскому купцу I гильдии А.П. Молчанову.

По уставу банка, 10 % от чистой прибыли предоставлялись «в полное распоряжение начальника губернии на благотворительные предметы, по усмотрению его превосходительства; остальную сумму перечислить к общему капиталу банка». На полученные средства от деятельности банка было построено и содержалось уездное мещанское училище.

В 1862 г. был открыт общественный городской банк в Калуге. Он носил название «Калужский общественный Михаила и Павла Малютиных банк», который был учреждён потомственным почётным гражданином московской I гильдии купцом Павлом Семёновичем Малютиным. Он был выходцем из Калуги и устроил в родном городе в честь своего брата банк, на который пожертвовал 100 тыс. руб., а затем ещё 100 тыс. по духовному завещанию. Банк, по мысли основателя, учреждался, «дабы развить в отечественном городе торговлю, промышленность и ремесленность как залог благосостояния граждан, а впоследствии по развитию

оборотов банка и увеличении капитала учредить мещанское училище для просвещения юношества».

По уставу банка, капитал распределялся следующим образом: «Когда капитал вполне поступит в оборот, то получаемые проценты должны быть употребляемы: а) 2400 руб. на содержание учреждаемого мещанского училища; б) 800 руб. расходовать ежегодно пред наступлением праздников Рождества Христова и Светлого Христова Воскресенья беднейшим из граждан г. Калуги, преимущественно из упавших купцов и мещан, инвалидам, увечным и престарелым нижним чинам из калужских мещан с тем, чтобы выдача каждый раз была не менее 1 рубля и не более 5 руб. сер. перед каждым праздником; в) 800 руб. в распоряжении городской думы на увеличение числа продовольствуемых от купеческого общества мукою бедных и неимущих». При увеличении оборотов банка и прибыли благотворительная деятельность была расширена: открыто училище для сирот женского пола — дочерей бедных родителей купеческих и мещанских званий; регулярно выделялись суммы для выдачи вознаграждения на выход в замужество бедных девиц мещанского сословия; построена богадельня. Ежегодно погашались недоимки «за самобеднейших мещан, которые не могут платить таковых по крайней своей бедности или болезни».

Резюмируя вышесказанное, надо отметить, что отношение к социальной деятельности как к обязанности в среде провинциального купечества является устойчивой характеристикой самосознания сословия и его корпоративного поведения. Фактически именно купечество взяло на себя тяжёлый труд решения социальных вопросов на местном уровне и благоустройства своих городов, рассматривая эту деятельность как одну из своих сословных задач. Для большинства купцов дела благотворительности не были средством получения наград и отличий, а были выражением естественной потребности созидать и жить по христианским заповедям.

Примечания

1. Калужские губернские ведомости (далее — КГВ). 1847 г. № 26 неофициальная часть. С 4.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 17. Д. 11. Переписка с Калужской губернской и дорожной комиссией Сухиничской городской ратуши о постройке лавок, шатра и важни в г. Сухиничах. Л. 25.
3. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 11. Переписка с Калужской губернской и дорожной комиссией Сухиничской городской ратуши о постройке лавок, шатра и важни в г. Сухиничах. Л. 55.
4. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 75. Прошение боровских купцов О постройке каменных лавок с приложением плана Гостиных рядов в г. Боровске.

5. Калуга в семи веках / авт.-сост. М. А. Добычина, В. Е. Продунов, А. А. Гусев. Суворов: ООО «Колор и Т», 2015. С. 39.
6. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 4. Списки домохозяев города Калуги с оценкой их владений.
7. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 74. Переписка с калужским городским полицейским управлением о разрешении купцу Астрееву постройки лавки и питейного дома с приложением плана вышеупомянутого дома.
8. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 181. Переписка с Калужским городским полицейским управлением об обращении купца П. И. Билибина о постройке двухэтажного амбара с приложением Генерального плана г. Калуги.
9. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 181. Переписка с Калужским городским полицейским управлением об обращении купца П. И. Билибина о постройке двухэтажного амбара с приложением Генерального плана г. Калуги.
10. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 91. Выписка из постановления губернского инженера по прошению калужского купца Фёдора Михайловича Кожина о разрешении пристройки к его дому двухэтажной галереи с приложением плана 1865 г.
11. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 199. Переписка с департаментом полиции исполнителем Боровским уездным полицейским управлением, Лихвинской градской думой, журнальное постановление калужского губернского правления о благоустройстве городов и селений Калужской губернии. Л. 15.
12. Свод законов. Свод законов о состояниях. Т. XI. Устав торговый. Ст. 308. СПб., 1842.
13. Свод законов. Свод законов о состояниях. Т. XI. Устав торговый. Ст. 308. СПб., 1842.
14. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 59а. Л. 286.
15. *Кускова И. Г.* Рязанское купечество. Рязань, 1996. С. 45.
16. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 321. Л. 10.
17. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 321. Л. 15.
18. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 130. Л. 28; Ф. 45. Оп. 1. Д. 440. Л. 1031–1033.
19. *Морозова Г. М.* Прогулки по старой Калуге. Калуга. 1993. С. 45.
20. Там же. С. 46.
21. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 130. Л. 78.
22. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 130. Л. 78.
23. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 130. Л. 126.
24. Свод законов. Т. XI. Устав торговый. Ст. 48, 50.
25. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 242, 345, 507, 580, 581, 587.
26. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Т. 1. Д. 267. Переписка с Калужской городской полицией о пожертвовании от Калужского купеческого общества в пользу погорельцев г. Калуги.
27. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 36а. Л. 307.
28. Памятная книга и адрес-календарь Калужской губернии на 1913 г. Калуга, 1912. С. 9.
29. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 104. Л. 57.
30. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 104. Л. 57.

ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ, НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. И. МАЛИНИНА

Предлагаемые документальные материалы хранятся в фондах ГКУ КО «Государственный архив Калужской области». Публикация подготовлена по Правилам издания исторических документов СССР¹. Каждый документ имеет свой порядковый номер, заголовок и легенду (контрольно-справочные сведения), которые состоят из ссылки на исходные данные, сведений о подлинности документа и способе его воспроизведения. После заголовка размещены: слева делопроизводственный номер документа (если таковой есть), справа дата документа и место его создания. В случае воспроизведения текста составителем публикации восстановленная часть заключена в квадратные скобки. К документам составлены примечания.

Документ № 1

Свидетельство Д. И. Малинина о присвоении ему звания учителя истории гимназии и прогимназии

№ 2840

9 октября 1907 г.
г. Юрьев

Предъявитель сего, **действительный студент истории Дмитрий Иванович Малинин**² на основании высочайше утверждённого 22 апреля 1868 г. мнения Государственного Совета о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения и особым правилам, установленных на сей предмет министерством, подвергшись сокращённому специальному испытанию в **историко-филологическом факультете** Императорского Юрьевского университета, удостоен звания учителя

¹ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. 187 с.

² Полу жирным шрифтом здесь и далее выделен текст, написанный от руки.

гимназии и прогимназии, с правом преподавать **историю** и со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными сему званию § 119, 120, 121, 123, 125 и 126 устава гимназий и прогимназий, Высочайше утверждённого 30 июня 1871 г.

В удостоверение чего дано ему **Д. И. Малинину** настоящее свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Императорского Юрьевского университета.

Попечитель Рижского учебного округа подпись

За ректора Императорского Юрьевского университета проректор
подпись

Секретарь Совета подпись

Печать Императорского Юрьевского университета

Следующие за сие свидетельство девять рублей внесены в Юрьевское казначейство под квитанцию от 28 сентября 1907 г. за № 12958

Секретарь Совета подпись

Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 78 (Калужское реальное училище). Оп. 1. Д. 952. Л. 57. Подлинник. Рукопись.

Документ № 2

Прошение преподавателя истории Калужского реального училища Д. И. Малинина о разрешении ему пользоваться документами Калужского губернского музея при Калужской учёной архивной комиссии

№ 1

1 января 1910 г.
г. Калуга

Милостивый государь!

Имею честь покорнейше просить Вас разрешить мне пользоваться архивными документами, находящимися в вверенном Вашему попечению музее. Об условиях пользования, а равно и о разрешении прошу не отказать, уведомить меня.

Одновременно прошу присоединить сведения об условиях вступления в члены Калужской архивной комиссии, если таковая продолжает ещё действовать.

С почтением Д. Малинин

Адрес: Здесь. Преподавателю истории казённого реального училища Дим[итрию] Иван[овичу] Малинину (или Кольцовский пер. д[ом] Карповой).

ГАКО. Ф. 47 (Калужская учёная архивная комиссия). Оп. 2. Д. 46. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

Документ № 3

Формулярный список о службе преподавателя истории Калужского реального училища Дмитрия Ивановича Малинина¹

Июль 1912 г.
г. Калуга

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание. **Состоящий в VIII классе, преподаватель истории в Калужском реальном училище, вероисповедания православного, родился 26 октября 1879 г., знаков отличия не имеет. Жалованья получает: оклад 750 р. за дополн[ительные] ур[оки] 1080 р., добав[очные] к окл[аду] 90 р., доб[авочные] за доп[олнительные] ур[оки] 180 р. Всего 2100 р.**

II. Из какого звания происходит. **Сын священника.**

III — VI. Есть ли имение. У него самого или у родителей: родовое, благоприобретённое; у его жены, буде женат: родовое, благоприобретённое. **Нет.**

VII — IX. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий, не был ли особенно чем-либо награждаем кроме чинов? Месяц. Год. **Окончил курс наук в Императорском Юрьевском университете по историко-филологическому факультету со степенью действительного студента в 1907 г.**

Советом Императорского Юрьевского университета удостоен степени учителя истории от 2[20 мая] 1908 г.

Имеет свидетельство от 9 октября 1907 г. за № 2840 на звание учителя гимназии и прогимназии с правом преподавать историю.

¹Текст публикуется не в табличном варианте.

Предложением г. попечителя Одесского учебного округа от 29 сентября 1907 г. за № 22933, допущен к исполнению обязанностей преподавателя истории в Екатеринославской Мариинской женской гимназии 1 октября 1907 г.

Предложением г. управляющего Одесским учебным округом от 5 января 1908 г. за № 34, утверждён в занимаемой должности с 10 октября 1907 г.

С 1 декабря 1907 г. по 1 августа 1909 г. состоял преподавателем истории и русского яз[ыка] в Екатеринославской женской гимназии Петровой А. Г. в IV — VI кл.

Согласно прошению уволен от занимаемой должности с 1 августа 1909 г.

Предложением г. попечителя Московского учебного округа от 13 октября 1909 г. за № 30476 определяется бывший учитель Екатеринославской гимназии Дмитрий Малинин учителем истории в параллельных классах Калужского реального училища, с поручением ему уроков в 4, 5, 6 и 7 основных классах (всего 25 уроков) с 16 октября сего года.

Х. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно? **Не был.**

XI. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединённым с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке, не был ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою такие ограничения; когда, каким судом и за что именно? **Не подвергался.**

XII. Был ли в отпусках, когда, и насколько именно времени; являлся ли в срок, и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною? **Не был.**

XIII. Был ли в отставке с награждением чином, или без оного когда и с какого по какое именно время? **Был в отставке с 1 августа 1909 по 15 октября 1909 г.**

XIV. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; кого именно; год, месяц и число вступления в брак, а также рождения жены и детей; где дети находятся и какого они и жена исповедания? **Холост.**

С подлинным верно: Директор Сверял письмоводитель

Документ № 4

**Прошение председателя Калужской экскурсионной комиссии
при Калужском реальном училище М. С. Архангельского
в Центральную экскурсионную комиссию при Управлении
Московского учебного округа о финансировании издания
книги Д. И. Малинина «Опыт исторического путеводителя
по Калуге и главнейшим центрам губернии»**

№ 13479

августа 1912 г.
г. Калуга

Приступив к изданию книжки «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим пунктам¹ Калужской губ.», составленной, по моему приглашению, преподавателями местных учебных заведений, и нуждаясь в оборотных средствах для этого издания, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не признаете ли Вы возможным для указанной цели выдать в моё распоряжение из средств Центральной комиссии некоторую сумму под условием возврата ее в годичный срок.

Председатель Калужской экскурсионной комиссии
Директор

ГАКО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1077. Л. 48. Отпуск. Машинопись.

Документ № 5

**Протокол № 1
соединённого заседания Калужской архивной учёной комиссии
и Общества охраны местных памятников художественной
старины в связи с изучением истории местного края**

24 ноября 1918 г.
г. Калуга

Протокол № 1 соединённого заседания Калужской архивной учёной комиссии и Общества охраны местных памятников художественной старины в связи с изучением истории местного края от 24 ноября 1918 г., состоявшегося под председательством Д. И. Малинина и в присутствии

¹Так в тексте.

А. В. Борисенкова, В. Н. Вознесенского, В. И. Извекова, Н. Я. Извекова, М. Д. Михайлова, Гр. С. Калотарева, С. Н. Овчинникова, В. Гр. Попова, А. И. Пульхеров.

Собрание открывается инициатором его созыва Д. И. Малининым, предложившим избрать председателя собрания и секретаря. Председателем единогласно избирается Д. И. Малинин, а секретарём В. Н. Вознесенский.

[...] ¹

После этого Д. И. Малинин объяснил собранию, почему он взял на себя инициативы созвать настоящее собрание. Покойный председатель, не имея сил в последнее время заниматься делами общества, передал председательствование, ключи и приходо-расходную книгу Архивной комиссии товарищу председателя П. П. Добромыслову, который ², в свою очередь, передал заведывание всеми делами Комиссии Д. И. Малинину, которому и поручил созвать собрание для обсуждения общего положения дел и для выбора должностных лиц. Оглашается письмо В. И. Асонова к П. П. Добромыслову и письмо последнего к Д. И. Малинину.

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса о направлении дальнейшей деятельности Архивной учёной комиссии, Д. И. Малинин считает нужным охарактеризовать общее положение дел в комиссии. Деятельность комиссии окончательно замерла с 1914 г., когда и было последнее собрание. Были предложения созвать собрания в память 25 ³ годовщины Архивной учёной комиссии, но это юбилейное собрание так и не состоялось. За долгое время бездействия Архивной комиссии старые члены отстали от неё, а приток свежих сил не мог быть за отсутствием собраний, на которых по уставу должны производиться выборы новых членов. Такое безотрадное положение дел в Архивной комиссии побудило Д. И. Малинина выступить в местной газете ⁴ с предложением организовать новое общество ⁵ — общество охраны памятников художественной старины в связи с изучением истории ⁶ местного края, с тем, чтобы названное общество взяло на себя попечение о памятниках старины, коем грозило в наше революционное время опасность полной

¹ Опущена часть текста, посвящённая памяти В. И. Асонова.

² Буква «Ы» написана над строгой со знаком титло.

³ «25» вписано карандашом.

⁴ Речь идёт о газете «Коммуна».

⁵ Подчёркнуто карандашом.

⁶ Слово «истории» вписано сверху.

гибели. Общество это организовалось, но за полным отсутствием материальных средств не могло начать свою деятельность.

По предложению местного губернского отдела по народному образованию была¹ составлена смета, пересланная в Комиссариат народного просвещения, но денег до сих пор нет. Заведывающим губернским отделом народного образования были выданы Д. И. Малинину в виде аванса 3 000 р., из которых половину пришлось истратить на нужды² Исторического музея. Ввиду одинаковой цели, преследуемой и Архивной комиссией, и Обществом охраны памятников старины, а также нежелательным дробить силы участников Д. И. Малинин предлагает слить эти два общества вместе.

По связи с докладом Д. И. Малинина некоторыми из присутствующих на собрании были сделаны предложения. Так, было сделано предложение найти для исторического музея более подходящее помещение. На это Д. И. Малининым было указано, что когда³ в Калугу приезжали представители Центрального общества охраны памятников старины, то осматривали дом Кологривова для музея, но вопрос о занятии дома Кологривова так и остался открытым. В. Гр. Поповым было сделано предложение сохранения архивов.

После этих разъяснений собрание перешло к обсуждению вопроса о слиянии Архивной комиссии с Обществом охраны памятников старины. При обсуждении выяснилось, что такое слияние вполне возможно в виду того, что задачи Архивной комиссии уставом их намечены широкие и живущая по этому уставу комиссия не ограничивает своею деятельностью только разборкой архивов, а собирает вообще памятники старины. А. И. Пульхеровым было предложено избрать несколько лиц, которые бы установили задачи общества⁴, выработали новый устав, долженствующий определить на будущее время деятельность его, и создали бы новое общее собрание. М. Д. Михайловым было указано на то, что, по его мнению, цель настоящего собрания в том, чтобы выбрать нового председателя, что само по себе определило бы новый характер деятельности Архивной комиссии, установить повышающий в соответствии с современной ценностью денег членский взнос, что должно укрепить финансовое положение комиссии. От почётного члена комиссии Н. И. Бульчёва в настоящее время

¹Подчёркнуто карандашом.

²Слово «нужды» зачёркнуто, над строй синими чернилами вписано «жалованье сторожу».

³Слово «когда» вписано сверху.

⁴Слово «общество» зачёркнуто и вписано над строй «Архивной комисс[ии]».

находится 4 000 р., отпущенные Импер[аторским] Археолог[ическим]¹ обществом для обследования архивов, из них 1000 р. имеют уже специальное значение — обследование дворянских архивов.

При голосовании сделанных предложений М. Д. Михайлов снимает своё предложение: избрать в настоящем собрании председателя, а потому голосует предложение А. И. Пульхерова о выборах организационной комиссии. Предложение принимается единогласно. В комиссию выбираются 3 лица: Д. И. Малинин, В. И. Извеков и В. Н. Вознесенский с правом [...] ².

Следующее собрание назначается через две недели в 1 ч. дня.

Председатель собрания Д. Малинин

Секретарь В. Вознесенский

ГАКО. Ф. Р-324 (Калужское общество истории и древностей). Оп. 1. Д. 2. Л. 3—5. Подлинник. Рукопись.

Документ № 6

Заявление-анкета Д. И. Малинина правлению Калужского общества истории и древностей о зачислении в общество

24 ноября 1918 г.
г. Калуга

Правлению Калужского общества истории и древностей
Заявление

Прошу зачислить меня в действительные члены Калужского о-ва³ истории и древностей, причём сообщаю о себе нижеследующие сведения.

Вопросы:	Ответы:
Фамилия	Малинин
Имя.	Дмитрий
Отчество.	Иванович
Пол.	

¹ Слово «археолог[ическим]» зачёркнуто, сверху карандашом написано «Истор[ическое]».

² Слово неразборчиво.

³ Так в тексте.

Вопросы:	Ответы:
Время рождения.	25 число октябрь м[еся]ц 1879 г.
Профессия (профсоюз).	Научный работник
Должность или занятие.	Научный сотру[д]ник. Губархбюро
Происхождение.	Потом[ственный] почёт[ный] гра- ждан[ин]. (сын священника)
Партийность	Беспартийный
Образование общее.	Окончил Дерптский Универ[ситет].
Образование специальное.	Кандидат истории
Печатные труды.	Перечень трудов при сём прилага- ется
В какой области научной деятельно- сти О-ва желает принять активное участие,	Исторической. Биографической. Библиографической
Или в какой области культурно- просветительской деятельности О-ва желает принять активное участие.	Литературной. Музейной
Адрес местожительства.	гор. Калуга улица Торубаевский пер. дом № 10 квартира № —

Подпись Д. Малинин
Рекомендуют члены общества
Основатель об[ществ]а

ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—5. Подлинник. Рукопись.

Документ № 7

**Письмо правления Калужского общества истории и древностей
директору Калужского объединённого музея
Д. И. Малинину о выделении мебели обществу**

№ 38

10 августа 1924 г.
г. Калуга

Правление Калужского общества истории и древностей обращается к Вам с просьбой выделить из имущества губ[ернского] истор[ического] музея 8 стульев или кресел в пользование общества для меблировки дома Коробовых, где имеется в настоящее время всего один стул и где за неимением мебели не могут происходить заседания правления общества. А между тем Губ[ернская] архивная комиссия имела 6 венских кресел и 4 стульев¹, которые при перевозке музейного имущества в д[ом] Кологривовых были взяты из дома Коробовых и записаны в инвентарную книгу музея.

Секретарь
подпись

ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 6. Л. 97. Подлинник. Рукопись.

Документ № 8

**Протокол заседания комиссии
по организации юбилейных торжественных заседаний
Общества истории и древностей**

3 декабря 1925 г.
г. Калуга

Присутствуют — М. Е. Шереметьева², В. А. Толстой, Д. А. Никольский, П. И. Васильева, В. Г. Попов.

Председателем комиссии избирается П. И. Васильева.

Постановили: 1. Просить Т. Ф. Достоевскую принять участие в музыкальной части заседания.

Установить следующий порядок заседания 20 декабря, посвящённого юбилею 1905 г.

¹ В тексте написано «4», исправлено на «5», но зачёркнуто и подписано «4».

² Так в тексте. Правильно Шереметева.

- I. Интернациональная исп[олнитель] Т. Ф. Достоевская
II. Доклад Б. Н. Тихомирова: «Предпосылки революции 1905 г.».
III. Доклад Д. И. Малинина: «Революция 1905 г. в пределах Калуж[ской] губ[ернии]»
IV. Декламация.
Установить следующий порядок заседания 17 декабря с.г., посвящённого юбилею восстания декабристов.
I. Интернациональная исп[олнитель] Т. Ф. Достоевская
II. Доклад В. Н. Чистякова: «Декабрьское восстание».
III. Доклад Д. И. Малинина: «Декабристы-калужане».
II отделение.
I. Григ. Героический марш исп[олнитель] Т. Ф. Достоевская.
II. Коронованный сыщик из ром[ана] «14 декабря» Мережковского исп[олнитель] или Бессонов или Олейнача
III. Отрывки из поэмы Некрасова «Русские женщины» испол[нитель] Н. Д. Лаврова.
IV. Музыка исп[олнитель] Т. Ф. Достоевская.
V. «Гражданин» Рылеева исп[олнитель] Дитятин.
VI. Из «Временщика» Рылеева исп[олнитель] Толкачев.
VII. «Послание в Сибирь» А. С. Пушкина исп[олнитель] М. П. Перверзева.
VIII. «Ответ на послание в Сибирь» Одоевского исп[олнитель] М. П. Перверзева.
IX. Музыка исп[олнитель] Т. Ф. Достоевская.
Председатель П. Васильева
Секретарь Д. Никольский

ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 5. Л. 32—32 об. Подлинник. Рукопись.

Документ № 9

**Объяснительная записка председателя
Калужского общества истории и древностей
Д. И. Малинина о работе общества за 1918—1926 гг.**

31 октября 1926 г.
г. Калуга

Общество древностей основано взамен бывшей ранее Архивной комиссии и имело возможность встать на ноги при содействии зав[едующего] губ[ернским] отд[елом] Наркомпроса М. В. Салько, считавшего крайне необходимым существование общества с теми заданиями, которые ставило себе в утверждённом уставе Общества древностей. С течением времени некоторые из поставленных обществом в 1918 г. задач выделились в самостоятельные губернские учреждения, как то: 1) Музейное дело, 2) Губархив, 3) Библиотечное дело, в которые общество, по мере необходимости, выделяло своих работников. В настоящее время об-во¹ представляет из себя научное объединение, ведущее, главным образом, разработку истории местного края. За два года об-во имело 20 заседаний, на которых был заслушан ряд докладов и сообщений. [...] ²

По содержанию личного состава испрашивается оплата труда только четырёх членов правления: председатель руководит общим направлением работы об-ва, присутствует от об-ва на заседаниях комиссий (бесплатно), сносится с учреждениями, научно руководит пополнением исторического музея, экспертирует предметы, доклады, принимает участие в работах коллегии музейного подотдела и пр. Тов. председателя замещает его и заведует средствами об-ва. Библиотекарь имеет в своём ведении б-ку об-ва, требующую, как узко специальная, особые знания.

Что касается трудов об-ва, то их имеется уже на 2 тт. по 250—300 стр. каждый, но за отсутствием средств об-во не может их выпустить в свет; работы к изданию предположены, только имеющие отношение к местному краю.

¹Здесь и далее сокращено автором.

²Опущена часть текста с перечислением всех докладов и сообщений.

Командировки в уезды предположены для ознакомления с состоянием исторических памятников, для их осмотра и описания, а также для экскурсий. Командировки в Москву для сношения с V отд[елом] Наркомпроса.

Пополнение б[иблиоте]ки предполагается специальными и художественными изданиями в размере от 100 до 200 книг.

Председатель Д. Малинин.

ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1. Л. 66—66 об. Подлинник. Рукопись.

Документ № 10

Предложение Калужского общества истории и древностей Д. И. Малинина в качестве кандидата в Центральное бюро краеведения

№ 137

6 декабря 1927 г.
г. Калуга

В Президиум 3-й Всероссийской конференции
по краеведению.

Калужское о-во¹ истории и древностей предлагает в качестве кандидата в ЦБК² от местных организаций тов. Малинина Д. И., почётного члена о-ва, товарища председателя правления о-ва, известного местного библиографа и краеведа, работающего в области историко-экономического и этнографического изучения местного края.

Председатель
Секретарь

ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 13. Л. 153. Подлинник. Рукопись.

¹Так в тексте.

²Центральное бюро краеведения.

Документ № 11

**Протокол № 6 ликвидационного общего собрания
Калужского общества истории и древностей**

20 октября 1929 г.

г. Калуга

Присутствовали члены о-ва¹: 1. Д. И. Малинин, 2. В. А. Толстой, 3. В. Д. Неклюдов, 4. Ю. А. Вусович, 5. З. А. Вусович, 6. П. И. Васильева, 7. Е. Г. Крич, 8. Д. А. Никольский, 9. Д. А. Разломалин, 10. В. Г. Попов, 11. М. В. Покровский, 12. Б. И. Сосницкий, 13. М. Ф. Пастухова, 14. М. Е. Шереметева, 15. О. И. Малинина, 16. М. И. Толстая, 17. В. Н. Чистяков, 18. Н. А. Шереметев, 19. Р. В. Чалов и 16 человек посторонних о-ву лиц.

Председатель — Д. И. Малинин.

Секретарь — В. А. Толстой.

Слушали: 1. Отчёт о деятельности о-ва за время с 1 января 1929 г. по 1 октября 1929 г.

Постановили: Суждения по отчёту произвести по заслушании доклада ревизионной комиссии.

Слушали: 2. Доклад ревизионной комиссии о-ва по отчёту о деятельности о-ва за время с 1 января 1929 г. по 1 октября 1929 г.

Постановили: 1) Доклад ревизионной комиссии принять к сведению. 2) Отчёт о деятельности о-ва утвердить. 3) За понесённые труды вынести благодарность в письменной форме: 1) председателю о-ва Д. И. Малинину, как основателю о-ва и его опытному руководителю и наикультурнейшему члену за всё время существования о-ва (1918—1929 гг.) 2) секретарю о-ва В. А. Толстому, как бессменному секретарю с 1925 г., за его бескорыстную работу на пользу о-ва и блестящую постановку делопроизводства и отчётности о-ва. 4) Общество как самостоятельную научную единицу на территории Калужского края закрыть, а всё его имущество и оставшиеся средства передать Калужскому о-ву по изучению местного края, для каковой цели утвердить ликвидационную комиссию в составе: В. А. Толстого, Р. В. Чалова и Ю. А. Вусовича. 5) Отчёт о деятельности о-ва за 1929 г. отпечатать на машинке в количестве 10 экземпляров на средства о-ва, а печатающийся в типографии

¹Здесь и далее сокращение автора.

и не вышедший к настоящему общему собранию отчёт о деятельности о-ва за 1927 г. оплатить из ликвидационных средств.

Слушали: 3. Доклад В. А. Толстого: «Итоги деятельности о-ва за время с 1918 по 1929 г.».

Постановили: Доклад принять к сведению. Для сохранения следов деятельности о-ва за 11-летний революционный период, просить Калужское о-во изучения местного края о издании этого¹ доклада.

Слушали: 4. Доклад Д. И. Малинина: «А. П. Чехов в Богимове».

ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 29. Л. 21–20 об. Подлинник. Рукопись.

Документ № 12

Некролог Дмитрию Ивановичу Малинину

18 ноября 1933 г.

г. Калуга

В ночь на 16 ноября скончался от приступа грудной жабы Дмитрий Иванович Малинин. Покойный, уроженец Калужской губ., родился в 1879 г.

Состоя долгое время преподавателем средних учебных заведений, Д. И. Малинин принимал самое деятельное участие в местных научных обществах и составил себе известность как большой знаток местного края. Он составил целый ряд печатных и готовых к печати работ как по истории края, так и по изучению революционного движения в Калуге и в Калужской губ. Всех работ его по разным вопросам краеведения напечатано более ста, часть которых была помещена в газете «Коммуна».

В лице Д. И. Малинина мы потеряли большую научную силу и крупнейшего краеведа. Д. И. Малинин был активным членом СНР² и членом бюро коллектива персональных пенсионеров Республиканского значения.

Вусович Ю. А., Извеков В. И., Михайлов Н. В., Попов В. Г., Разломалин Д. И., Самойлович С. И.

Коммуна. 18 ноября 1933 г.

¹ Слово «этого» вписано сверху.

² Имеется в виду Союз научных работников.

**Сотрудники Управления по делам архивов Калужской области,
Муниципального архива г. Калуги и Калужского областного
музея-заповедника на субботнике по уборке от мусора дома
Малинина (дома купца Торубаева). 21 апреля 2017 г.**

Старое надгробие на могиле
Д. И. Малинина. Ноябрь 1996 г.

Новое надгробие на могиле
Д. И. Малинина. Май 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая мысль в российской провинции первой трети XX в.:	
историк и краевед Д. И. Малинин	5
Сохранение памяти о Д. И. Малинине	13
Первые чтения памяти Д. И. Малинина	24
<i>Осипов В. И.</i> Боровское старообрядческое общество и городское управление (XIX в. — 1917 г.)	30
<i>Осипов В. И.</i> Строительство в Боровске старообрядческих храмов в начале XX в.	40
Вторые чтения памяти Д. И. Малинина	58
<i>Прошкин О. Л.</i> Археологическая деятельность Калужской учёной архивной комиссии	61
Третьи чтения памяти Д. И. Малинина	82
<i>Никитина Н. Н.</i> Политика советской власти в отношении бывших помещиков в 1917—1927 гг. (по материалам Калужской и Тульской губерний)	85
Четвёртые чтения памяти Д. И. Малинина	100
<i>Хомутова О. Ю.</i> Купечество как градообразующее сословие	101
Публикация архивных документов о педагогической, научной и общественной деятельности Д. И. Малинина	118

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. И. МАЛИНИНА

*Материалы первых — четвёртых чтений
2015—2018 гг.*

В книге использованы фотографии из архивов
В. В. Легостаева, И. С. Гавриленко, О. Л. Прошкина, В. И. Осипова

Корректор *Н. Г. Любомудрова*
Компьютерная вёрстка, дизайн *С. И. Захаров*

Издатель Захаров С. И. («СерНа»)
Тел. 8-910-914-95-30
E-mail: sergeizah@gmail.com

Подписано в печать 06.11.18. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 8,5 п. л.
Тираж 200 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
Тел. (4842) 77-00-75